

М
СЕРГЕЙ РОМАНЮК

ПЕРЕУЛКИ
И
СТАРОЙ
МОСКВЫ

*история
памятники
архитектуры
маршруты*

**Сергей Константинович Романюк
Переулки старой Москвы. История.
Памятники архитектуры. Маршруты**

К читателю

Эта книга приглашает в путешествие по московским переулкам, раскинувшимся в старом городе, ограниченном Садовым кольцом. Здесь, в небольшой части современного города-гиганта (она составляет примерно $\frac{1}{50}$ его площади), сосредоточено большинство архитектурных и исторических памятников.

Причудливая вязь переулков – характерная черта нашего города, особенно его центра. Это существенная особенность старинных городов, имеющих многовековую историю, таких, например, как Таллин, Тбилиси, Москва. В новых же городах, построенных не так давно, мы не найдем этого лабиринта, вспомним хотя бы Петербург или Одессу. Причиной возникновения такой планировки были хаотичность застройки и обилие мелких участков, к которым протаптывались, прокладывались узенькие дорожки-проулки, превратившиеся со временем в переулки.

Как мало еще мы знаем о них! В десятках и сотнях путеводителей по Москве рассказывается о ее главных улицах, основных достопримечательностях. Но московские переулки никем не были описаны. И это неудивительно – ведь наиболее важные события в городе связаны как раз с главными улицами и площадями. Нет смысла сравнивать роль и значение, скажем, Тверской или Большой Никитской с ролью какого-нибудь Медвежьего или Лукова переулков. Но без этих маленьких и незаметных переулков Москва не была бы уже тем городом, который мы так любим.

В книге рассказывается о тех сокровищах, которые «спрятаны» в прихотливом лабиринте переулков, вдали от проторенных туристами путей, о выдающихся сооружениях и дорогах всем памятных местах, связанных с великими именами в истории нашей страны, и о рядовых, казалось бы, ничем не примечательных

зданиях, и часто незаслуженно забытых деятелях отечественной культуры и истории.

Автор ставил себе целью рассказать возможно полнее и основательнее о том, что мало известно, а то и вовсе неведомо, о чем можно узнать, лишь заглянув в глубины архивных хранилищ, стремясь ознакомить читателя хотя бы с малой частью огромного культурно-исторического наследия такого города, как Москва. Под понятием «наследие» понимается не только то, что уцелело в огне и бурях прошедших столетий, но также и то, что исчезло, оставив следы только в документах, свидетельствах современников и старых изображениях.

Самые интересные и значительные здания, которые выходят на магистральные улицы, также будут описываться в этой книге.

Работа над книгой проходила в основном в читальных залах библиотек и архивов, и автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность библиографам, библиотекарям, сотрудникам музеев, архивистам, моим друзьям, без которых книга не увидела бы свет, и в особенности И.А. Гузеевой, советами которой я пользовался в любимой Историчке, О.А. Захаровой, открывавшей мне богатства архива, памятного многим под именем ГИИТА, где хранились документы по московским домам, Н.Н. Филичкиной, взявшей на себя труд подготовить многочисленные и мало разборчивые черновики к печати, Л.И. Карабановой, опытному, внимательному и благожелательному редактору первого издания, Ю.Н. Александрову, который дал «путевку в жизнь» этой книге. При работе по описанию московских переулков мне постоянно помогала сотрудник Исторической библиотеки Вероника Лапшина, без которой книга была бы существенно менее полной.

Особенно хотелось бы поблагодарить тех, кого, к великому сожалению, уже нет со мной: В.С. Попова, взявшего на себя труд просмотреть всю рукопись и сделать ценные замечания, Э. Вацетиса, благодаря которому я смог разобраться в сложных московских планах, В.В. Сорокина, который рецензировал первое издание книги,

Ю.А. Федосюка, рецензента первого издания, постоянно интересовавшегося моей работой, Н.М. Волович и А.А. Демскую, много помогавших мне.

С. Романюк

Глава I

ЛЕБЯЖИЙ ПРУД И КОНЮШЕННЫЙ ДВОР

Между набережными Москвы-реки и Знаменкой

Район, примыкающий к Пречистенской и Кремлевской набережным Москвы-реки, пересекает улица Волхонка – одна из основных радиальных улиц. Еще на Петровом плане конца XVI в. на улице показан Государев конюшенный двор, к которому вела эта улица от Кремля. Далее она переходила в Пречистенку, направлявшуюся к Новодевичьему монастырю.

Переулки между Волхонкой и набережными сохранили старые московские названия – Ленивка и Лебяжий. **Ленивка**, правда, именуется улицей, но она больше похожа на иной переулок – длиной всего 120 метров и теперь не очень-то оживленная, но раньше по ней непрерывно двигались люди, подводы, извозчичьи пролетки, так как на Ленивку выходил старинный Большой Каменный мост, ведущий в Замоскворечье. После того как в 1938 г. ниже по течению построили новый мост, основное движение пошло по Моховой, а Ленивка превратилась в спокойную улицу, до некоторой степени оправдывающую свое имя. Оно произошло от небольшого рынка, находившегося поблизости: церковь Иоанна Предтечи, стоявшая на месте дома № 10 по Волхонке, носила название «что у Ленивого торжка» либо по вражку, где протекала впадавшая в Москву-реку маленькая речка Ленивка (обычно гидронимы – это самые старые названия), либо по «ленивому», небольшому рынку. В нижнем течении Неглинная была запружена, на пруду разводились лебеди, отчего он был назван Лебяжьим, и переулок, шедший от Ленивки к пруду, стал также называться Лебяжьим. На плане-рисунке 1661–1662 гг., приложенном к книге

австрийского посла Мейерберга, он обозначен под названием «Лебединый пруд».

Иногда всю Волхонку именовали Ленивкой (это бывало и в середине XIX в.), а нынешняя улица Ленивка носила название либо «проезд к Каменному мосту», либо «Всехсвятская», по воротам стены Белого города, у которых находилась церковь Всех Святых.

Ленивка, дом № 3

В XVII в. всю нечетную часть нынешней Ленивки (так же как и современные участки № 11 и 13 по Волхонке) занимала большая усадьба Прасковьи Федоровны Дорошенко, урожденной Пушкиной, дочери стольника Федора Матвеевича и Пелагеи Алексеевны, урожденной Соковниной. И Пушкин и Соковнин положили головы на

плаху за участие в заговоре совместно со стрелецким полковником Иваном Цыклером против царя Петра.

Самолюбивый и честолюбивый Цыклер не смог выйти на первые роли при царевне Софье, и он переметнулся на сторону Петра, но царь все-таки не доверял ему. Тогда Цыклер решил поднять стрельцов и казаков, ревнителей старины, против царя и его нововведений. Эти стремления разделяли и родовитые русские – Алексей Соковнин, брат знаменитых раскольниц Феодосии Морозовой и Евдокии Урусовой, зять его Федор Пушкин, женатый на дочери Соковнина Пелагее, бывшие не против того, чтобы разделаться с Петром чужими руками. Заговорщики подговаривали убить царя: «можно его изрезать ножей в пять», а стрельцам можно «государя убить, потому что ездит он один, и на пожаре бывает малолюдством, и около посольского двора ездит одиночеством».

На заговорщиков донесли, их арестовали, пытали и 4 марта 1697 г. казнили.

Дочь Федора Пушкина Прасковья вышла замуж за сына украинского гетмана Петра Дорошенко, положившего много сил на объединение Украины под своей властью, но потерпевшего неудачу, сдавшегося московским властям и отправленного в Москву. На родину ему не пришлось вернуться – его сделали воеводой в Вятке, а через три года пожаловали село Ярополче (Ярополец) под Москвой, где он и скончался в 1698 г.

В 1740–1770 гг. усадьбой здесь владел сын комнатного стольника Василия Григорьевича Нарышкина, генерал-поручик Василий Васильевич Нарышкин (1712–1779), служивший белгородским и новгородским губернатором. Женат он был два раза – на Прасковье Васильевне Солнцева-Засекиной и на Анне Ивановне Паниной. На плане усадьбы 1751 г. на углу с Волхонкой показаны одноэтажные протяженные каменные палаты и ближе к Москве-реке обозначены «каменные развалившиеся полаты ево ж Нарышкина». Палаты на углу с Ленивкой в 1779 г. заменили зданием, построенным его вдовой. При возведении современного строения была обнаружена

медная закладная доска с гербами Нарышкиных и Паниных со следующей надписью: «Сие здание заложено в царствование Екатерины Вторья попечением генерала и кавалера боярина Василия Васильевича Нарышкина вдовствующия вторья его супруги Анны Ивановны Нарышкиной, урожденной Паниной в лето от Рождества Христова 1779 мая 20 дня. Архитектор при строении был Елезвой Семенов сын Назаров, первый каменщик крестьянин ея села Спасского Макар Мелехин и протчия каменщики того же села с заплатою как бы посторонняя». Опубликовавший эту надпись историк Москвы А.А. Мартынов справедливо замечает: «...подобные доски, помещаемые в старину при закладке дома, встречаются не в первый раз. Обычай этот и донныне существует при закладке общественных зданий, обычай крайне странный: не лучше ли бы было эту самую дощечку вделывать в здание на видном месте, тогда бы она с пользою послужила как дополнение к истории домов нашей древней столицы». При этом доме находилась домовая, не имеющая главы, церковь Воздвижения.

У В.В. Нарышкина было три сына, оставившие каждый свой след в российской истории и культуре. Старший, Семен, стал вице-президентом Берг-коллегии, участвовал в Комиссии для составления проекта нового Уложения, серьезно интересовался литературой, выступал в журналах, печатая басни, стихи и переводы. Его стихотворения считались «очень изрядными», а переводы были «приняты с одобрением».

Младший, Василий, подобно старшему брату, не был чужд литературе – его элегию «Узрев твой нежный взор» напечатал Сумароков в 1759 г. в «Трудолюбивой пчеле». Василий Нарышкин, получив назначение начальником Нерчинских заводов, отличился там необычными административными реформами (хотя некоторые из них были вполне разумными), расточительностью и вымогательством. Подвиги его в Сибири даже привлекли внимание автора романа «Дочь купца Жолобова», с подзаголовком «Извлеченный из иркутских преданий». За множество нарушений

Нарышкина отрешили от должности, препроводили в Петербург, в Петропавловскую крепость, и отдали под суд, признавший его виновным. Милосердная Екатерина приказала освободить его, но... «удержав в крепости на пять лет».

А вот средний сын, Алексей, стал владельцем усадьбы на углу Волхонки и Ленивки (№ 9). Как и старший брат, он также принимал участие в делах комиссии, отстаивая интересы дворянства. Одобрение Екатерины II вызвало его «страстное влечение к занятиям, направленным ко благу моей отчизны». Он путешествовал по Европе, познакомился с Дидро и вместе с ним приехал в Петербург, поселив его в доме брата Семена. По сравнению с братьями он сделал довольно успешную карьеру, был полоцким и псковским губернатором, получил чин тайного советника и сенатора, но под конец жизни выхлопотал себе длительный отпуск по болезни. Алексей Нарышкин приобрел известность как поэт и переводчик. Последние годы его прошли под Москвой, в поместье недалеко от радищевского имения Немцово.

После А.В. Нарышкина усадьба была разделена между его племянницами. К началу XIX в. южная ее часть (Ленивка, № 1) стала принадлежать действительному статскому советнику И.Н. Ефимовичу, женатому на Прасковье Семеновне, а позднее надворному советнику Г.П. Оболонскому. При нем на углу с Кремлевской набережной стояло трехэтажное каменное, богато декорированное здание с оригинальным оформлением угловой ротонды – наверху ее помещена беседка, крыша которой поддерживалась несколькими кариатидами. Этот дом существенно перестроил его владелец князь Григорий Грузинский в 1884 г. – тогда «надложили все стены для увеличения высоты квартир», а через три года убрали старый декор: купола, фронтон, колонны. В этом доме в середине 1900-х гг. во время приездов в Москву из Сухуми, где он постоянно жил и лечился, останавливался знаменитый врач А.А. Остроумов, в начале 1900-х гг. жил в юности И.Д. Удальцов, учившийся неподалеку, на Волхонке, в 1-й московской гимназии.

Участник революции, в советское время он вместе с печально знаменитым А.Я. Вышинским и В.П. Волгиным внедрял большевистские методы преподавания в Московском университете и короткое время – в 1928–1930 гг. – был его ректором.

Будущий маршал, начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников жил в этом доме в начале 1920-х гг., когда он только начинал свою карьеру в Советской России. Полковник царской армии, Шапошников добровольно вступил в Красную армию, уцелел в те лихие года, разработал все основные операции в Гражданскую войну, будучи помощником начальника штаба РККА. Впоследствии он участвовал в страшной комедии осуждения видных военных во главе с Тухачевским. Все, кто находился в составе «судей», были уничтожены Сталиным, за исключением только двух – Буденного и Шапошникова. Как писал много знавший сотрудник ОГПУ Александр Орлов, «Шапошников до революции был полковником царской армии и по своим убеждениям монархистом. В первые месяцы революции он оказался свидетелем уничтожения многих своих друзей-офицеров. Он жил в постоянном страхе за собственную жизнь до тех пор, пока в один прекрасный момент Сталин не заметил его и не взял под свою опеку». Он пользовался его знаниями – Шапошников был самым выдающимся штабным работником в Советской армии и много сделал для победы в войне.

Другая, северная часть бывшей нарышкинской усадьбы перешла к дяде А.С. Грибоедова Алексею Федоровичу Грибоедову, одному из прототипов Фамусова в «Горе от ума», гостеприимному владельцу смоленской усадьбы Хмелита. Алексей Федорович был женат на второй племяннице А.В. Нарышкина, Настасье Семеновне. Племянник Алексея Федоровича писал о нем: «Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравочений: „я, брат!..“»

В 1806 г. всей северной частью усадьбы (№ 9/1 по Волхонке и № 3 по Ленивке) стал владеть купец А.М. Зимулин, который в марте

1825 г. решил продать участок по Ленивке генерал-майору И.Т. Сназину.

С обоими участками оказался связанным известный московский живописец Василий Андреевич Тропинин.

Он родился в крепостной семье, и если бы не выказал способности к рисованию, то стал бы хорошим кондитером – барин, граф И.И. Морков, отдал его в ученики кондитера, но, в конце концов, решил определить воспитанником в Академию художеств. Учился он там блестяще, но все внезапно прервалось – барин приказал ему возвратиться в его украинское имение и приступить к обязанностям кондитера, художника и по совместительству лакея. Он обладал счастливым характером и не впал в уныние. «Я мало учился в Академии, – вспоминал он, – но научился в Малороссии: я там без отдыха писал с натуры, и эти мои работы, кажется, лучшие из всех до сих пор мною написанных».

Тропинин переехал в Москву и жил в доме под № 22/1 (на месте проезда у перекрестка напротив угла дома № 6 по Тверской) на углу Тверской и Камергерского переулка, купленном Морковым в 1810 г. Здесь он все чаще писал портреты известных москвичей, совершенствовал технику живописи.

Лишь в 1823 г., когда ему было 47 лет, Василию Андреевичу удалось получить вольную (но дети и жена еще остались крепостными). В этом же году, после представления живописных работ, в том числе очаровательной «Кружевницы», Совету Академии художеств, он получил первое официальное звание – «назначенного в академики», а через два года – уже полного петербургского академика. Тропинин остался в Москве, живя только частными заказами и создав себе независимое положение, что было тогда редко. Он завоевал славу лучшего портретиста: Карл Брюллов, когда ему предлагали писать москвичей, говорил: «У вас есть собственный превосходный художник».

Неудивительно, что именно Василий Андреевич Тропинин написал лучший портрет А.С. Пушкина.

Осенью 1826 г. Москва встречала поэта. «Он только что вернулся из михайловской ссылки и, где бы ни появлялся, всегда был окружен толпами восторженных почитателей. Москвичи единодушно приветствовали первого поэта России. Прием от Москвы Пушкину – одна из замечательных страниц его биографии», – свидетельствовал современник.

Тогда же появились и первые портреты Пушкина, из которых самым лучшим стал тропининский, который был написан в доме на Волхонке.

В мае 1827 г. в журнале «Московский телеграф» появилась небольшая заметка «О портрете Пушкина», которая, похоже, была написана издателем Николаем Полевым: «Русский живописец Тропинин недавно окончил портрет Пушкина. Пушкин изображен en trois quart, в халате, сидящий подле столика. Сходство портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что Художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица Поэта. Впрочем, физиогномия Пушкина, столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие. [Тропинина] должно причислить к числу тех артистов, которые делают честь Отечеству своими необыкновенными талантами».

История этого портрета запутана многими мемуаристами, и только сравнительно недавно она была более или менее прояснена.

По словам одного из современников, друг Пушкина Соболевский был «недоволен приглаженными и припомаженными портретами поэта, какие тогда появлялись. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил Тропинина нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце одной руки – перстнем, которому тот придавал особенное значение. Кажись, дело шло также и об изображении какого-то ногтя на руке Пушкина, особенного отрощенного».

Но Соболевский сам рассказывал, что Пушкин заказал портрет сам и «поднес мне его в виде сюрприза с разными фарсами». Собираясь за границу, Соболевский заказал копию, с которой и уехал, а оригинал оставил у Киреевского, который жил у Елагиных у церкви Трех Святителей, что у Красных ворот. Вернувшись через несколько лет, Соболевский, по его словам, обнаружил, что «в великолепной рамке был уже не подлинный портрет, а скверная копия с одного, которую я и бросил в окно».

Судьба тропининского портрета на многие годы оставалась неизвестной, пока его случайно не нашли в лавке известного московского антиквара Гаврилы Волкова, и, что любопытно, на Волхонке, совсем рядом с тем местом, где он и был создан. Его увидел директор Московского архива МИДа князь М.А. Оболенский (которого, кстати говоря, в детстве писал Тропинин) и купил у антиквара. Он показал его Тропинину: «И тут-то я в первый раз увидел собственной моей кисти портрет Пушкина после пропажи, и увидел его не без сильного волнения в разных отношениях: он напомнил мне часы, которые я провел глаз на глаз с великим нашим поэтом, напомнил мне мое молодое время, а между тем я чуть не плакал, видя, как портрет испорчен, как он растрескался и как пострадал, вероятно, валялся где-нибудь в сыром чулане или сарае. Князь Оболенский просил меня подновить его, но я не согласился на это, говоря, что не смею трогать черты, наложенные с природы и притом молодою рукою, а если-де вам угодно, я его вычищу, и вычистил».

Теперь этот многострадальный портрет находится в Третьяковской галерее, приобретенный ею у наследника Оболенского в 1909 г.

В каком же именно доме был создан пушкинский портрет, где была мастерская художника, в которой позировал ему Пушкин?

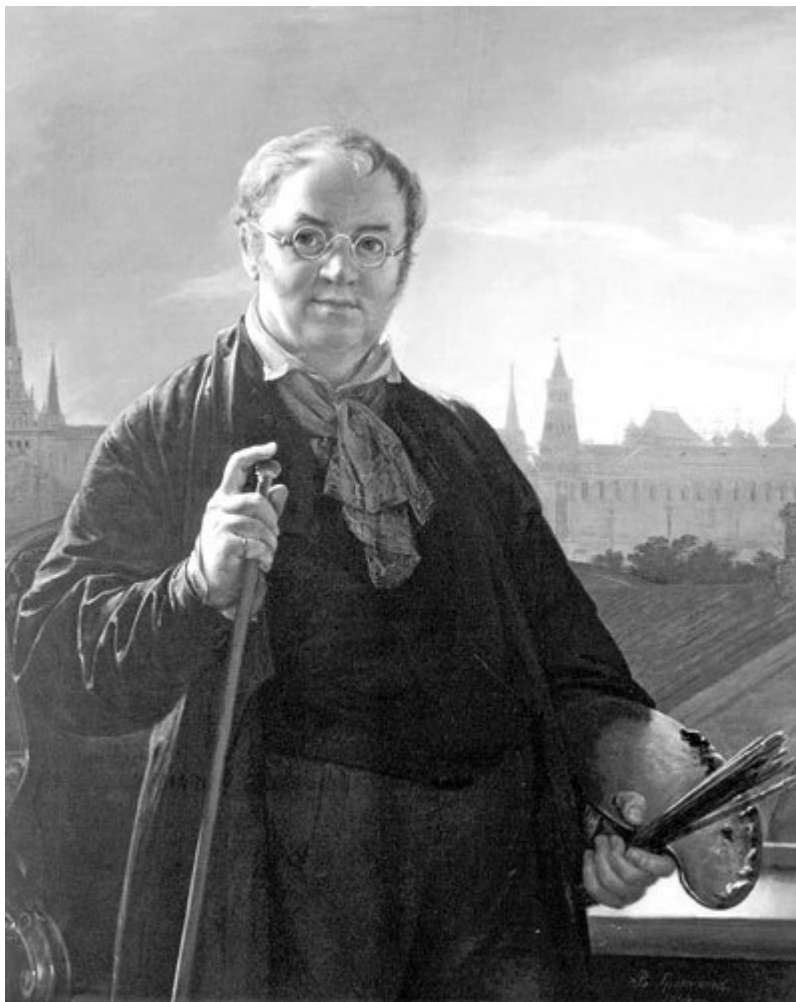
В Московском историческом архиве сохранились сотни маклерских книг, в которых записывались различные сделки, заключаемые москвичами. В одной из таких книг, Пречистенской части за 1825 г., был найден договор от 10 сентября между купцом

Александром Михайловичем Зимулиным и академиком Императорской Академии художеств Василием Андреевичем Тропининым о том, что он снимает «в каменном флигеле на большой улице верхний этаж в четыре комнаты и кухня, к ним галлерей со стеклами» за 600 рублей в год.

В то время Зимулин владел главным домом на углу Волхонки и Ленивки (№ 9) и небольшим каменным двухэтажным жилым строением (№ 11) по «большой улице», то есть по Волхонке, который и был нанят Тропининым. Он прожил в нем до 1831 г., и, следовательно, именно там и находилась его мастерская, и там был написан пушкинский портрет.

В конце 1831 или начале 1832 г. Тропинин переехал в дом № 3 по Ленивке. В его мастерской побывали чуть ли не все российские живописцы. Рассказывали, что дверь в мастерскую была изукрашена автографами его гостей, среди которых был и знаменитый Карл Брюллов, который в блеске славы первого художника России после картины «Последний день Помпеи» по приезде из Италии часто приходил сюда.

Самые подробные воспоминания о Тропинине оставил нам скульптор Н.А. Рамазанов, много раз бывавший здесь. По его словам, только «собственные произведения Василия Андреевича, повешенные без рам на стенах, составляли всю роскошь квартиры и вместе с мастерской, в которой постоянно господствовали простота, тишина и уважение к труду». У окна квартиры художника в 1844 г. был написан известный автопортрет с видом на кремлевские башни.

Василий Андреевич Тропинин. Автопортрет

Здесь он жил до кончины в 1855 г. своей горячо любимой жены (которая когда-то свободной вышла замуж за крепостного юношу и, таким образом, сама стала крепостной). Затем сын перевез его в маленький деревянный дом с большим садом на углу Большой Полянки и 2-го Спасоналивковского переулка и постарался создать ему уют – наполнил комнату любимыми цветами и канарейками. Но прожил Тропинин здесь совсем недолго: он не мог жить без друга и жены. Умер Тропинин 3 мая (15 мая по новому стилю) 1857 г. Похоронили его на Ваганьковском кладбище.

В 1830-х гг. весь участок – и по Волхонке (№ 9 и 11), и по Ленивке (№ 3) – перешел к жене важного чиновника, попечителя

Московского учебного округа тайного советника А.А. Писарева. Его супруга задолжала некоему Х.Д. Спиридонову (он вымогал у нее подарки в обмен за отсрочки векселей) и была вынуждена продать и этот дом, и подмосковное имение Люблино. Следующая владелица, вдова подпоручика Ю.А. Воейкова, выстроила в 1879 г. по проекту архитектора М.И. Никифорова существующее ныне здание на углу Волхонки и Ленивки. Именно на этом здании, где Тропинин не мог жить, и находится мемориальная доска со словами «в этом доме жил Тропинин», да еще и с неправильными датами.

Герб Воейковых можно увидеть на углу дома и в середине стороны, обращенной к Волхонке. По описанию «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи», щит разделен на четыре части, в двух помещены змеи, один против другого поставленные, и над главами их видна дворянская корона, а в двух других два оленя; на щите дворянские шлем и корона с тремя страусовыми перьями. Считается, что основатель рода Воейковых выехал «из Пруссия земли» к князю Дмитрию Донскому в XIV в.

Одно окно третьего этажа дома № 3 по Ленивке выделяется своими размерами, и было бы заманчиво думать, что именно там и находилась мастерская Тропинина, но в его времена дом был двухэтажным (там мог быть обычный в те времена мезонин, но поместить там мастерскую было невозможно, ибо комнаты в мезонинах были маленькими и с низкими потолками). Третий этаж надстроили только в 1878 г. Однако сохранились воспоминания о том, что на Ленивке была мастерская художника Маковского и ее снимали в 1887 г. молодые художники Илья Остроухов, Николай Третьяков и Михаил Мамонтов и пригласили к себе Серова. Как писал он, «там мы пишем с натуры, там завтракаем, там же с учителем фехтования гимнастируем – одним словом, почти целый день проводим там».

Напротив, на другом углу Волхонки (№ 7), вместо магазина пробит проход для пешеходов на первом этаже дома, выстроенного в 1905 г. архитектором Н.Г. Лазаревым по заказу купца Кузьмы

Лобачева. Этот участок, согласно плану 1782 г., был занят каменными палатами прокурора Т.И. Черкасова. Далее на Ленивке выходит за красную линию улицы, делая здесь узким тротуар, двухэтажное здание (№ 4) со скромным пилястровым портиком и междуэтажной тягой. Это старинные палаты, они находились в усадьбе, план которой сняли в 1764 г. Однако очень вероятно, что они значительно старше. Нынешний фасад палаты получили в 1845 г., когда с левой стороны сделали пристройку. В 1880-х гг. весь участок принадлежал текстильному фабриканту Герасиму Хлудову, владельцу дома в Театральном проезде, где были построены роскошные бани. Здесь же, в центре двора бывшей дворянской усадьбы, установили водокачку, доставлявшую воду из Москвы-реки по специальному водоводу к «Китайским баням», как тогда назывались нынешние Центральные бани.

На этом же участке, но уже по **Лебяжьему переулку** в 1903 г. построили доходный жилой дом (№ 8) по проекту А.М. Калмыкова.

Лебяжий переулок –
Да и не переулок даже,
А так, проулок в сто шагов, –
Без лебедей и берегов. –

как писал о нем поэт А. Межиров. После постройки нового Большого Каменного моста переулок стал еще короче, чем был когда-то, и превратился в тихий – там мало пешеходов и автомобилей – внутриквартальный проезд, упирающийся в перила моста и довольно-таки неопрятную автомобильную стоянку, окруженную слепыми брандмауэрами соседних домов.

По его четной, северной стороне в экспликации на так называемом Мичуринском плане Москвы 1739 г. в графе «Публичные и другие знатные строения» обозначен «Дом

блаженной памяти Государыни Царевны Екатерины Иоанновны», дочери брата Петра I Ивана Алексеевича. Петр I считал своих племянниц удобным и ценным политическим «товаром» – он расплачивался ими за те выгоды, которые можно извлечь из их замужеств. Почти все петровское царствование было занято Северной войной. Уже 17 лет длилась эта нескончаемая война, истощившая до предела российские ресурсы, и для Петра было важно найти союзника в центре Европы. Петр был заинтересован в том, чтобы герцог Мекленбургский-Шверинский был на его стороне. Он выдал за 38-летнего герцога Георга Карла Леопольда (1677–1747) свою 24-летнюю племянницу Екатерину, дочь брата Ивана. Бракосочетание происходило в Гданьске 8 (21) апреля 1716 г. в присутствии Петра I и короля Польши, курфюрста Саксонии Августа II. Петр ввел в герцогство десять русских полков, русские получили склады, пристани, войска могли свободно проходить через Мекленбург, и обязался отнять у шведов город Висмар, а герцог должен был платить супруге по 6 тысяч ефимков, которые носили забавное название «шкатульные деньги».

Как выразительно пишет В.О. Ключевский, «на его беду... у Петра зародился новый спорт – охота вмешиваться в дела Германии. Разбрасывая своих племянниц по разным глухим углам немецкого мира, выдав одну за герцога курляндского, другую за герцога мекленбургского, Петр втягивался в придворные дрязги и мелкие династические интересы огромной феодальной паутины, опутывавшей великую культурную нацию. С другой стороны, это московское вмешательство пугало и раздражало. Ни с того ни с сего Петр впутался в раздор своего мекленбургского племянника с его дворянством, а оно через собратов своих, служивших и при ганноверском, и при датском дворе, поссорило Петра с его союзниками, которые начали прямо оскорблять его».

На плане Мейерберга 1661 г. Лебяжий пруд (№ 45) у Боровицкой башни (№ 19)

Итак, герцог встретился с сильной дворянской оппозицией, хотя Висмар и остался у него, но Петр был здесь ни при чем. Содержание десяти русских полков было невыносимым бременем, а тут еще и взбалмошный и непредсказуемый характер герцога. В результате Екатерина с двухлетней дочерью, будущей правительницей России Анной Леопольдовной, отправилась обратно на родину. Она жила в Петербурге, покровительствовала поэту Тредиаковскому, который так приветствовал ее приезд:

Жаль, что не говорят человека сердца!
Обычное бо наше не довольно слово
Всю великость радости тебе изъявити,
Что ваше высочество здесь изволит быти,
И что тем причиняет счастье нам ново.
Жаль, что не говорят человека сердца!

Лишь твое пришествие слышно нам быть стало,
Всех сердца закипели, мысли заиграли,
И веселие токмо всяку обещали,
И что то есть прямое наших благ начало.
Жаль, что не говорят человека сердца!

Потом царица Екатерина переехала в Москву и получила дворец Меншикова у Боровицких ворот, который ей был отдан Верховным тайным советом после падения «полудержавного властелина», не удержавшегося в борьбе за власть, – он был сослан, а все его имущество конфисковано. В числе многочисленных владений Меншикова был и дом у Боровицких ворот, который царица Екатерина Ивановна просила отдать ей «на время». 19 октября 1727 г. она пишет письмо графу Остерману: «Как вам известно, что мне надобно быть в Москве, а двора я не имею, который у Боровицкого моста; а ежели того невозможно, прошу о дворе князя Прозоровского, в чем остаюсь на вас благонадежна и за что должна вам заслужить. Царица Екатерина». Уже на следующий день состоялось указание совета «О представлении Царице Екатерине Иоанновне. двора князя Меншикова».

После ее кончины в 1733 г. все владение перешло в дворцовое ведомство и по указу императрицы Елизаветы Петровны 14 января 1742 г. было передано «в вечное и потомственное владение» великому канцлеру, сенатору князю Алексею Михайловичу Черкасскому, самому богатому и чиновному аристократу России середины XVIII в. Щербатов в книге «О повреждении нравов в России» писал, что «сей человек весьма посредствен разумом, ленив, не знающ в делах и, одним словом, таскающий, а не носящий свое имя и гордящийся единым своим богатством». Но многие факты говорят об обратном. Черкасский был деятельным администратором в Тобольске, Петр I доверил ему важнейшие посты, назначил обер-комиссаром Петербурга и ответственным за застройку его. Он

зарекомендовал себя неподкупным (при его богатстве это было несложно: крепостных у него насчитывалось 70 тысяч душ) и распорядительным, хотя и медлительным администратором. После него все владение перешло к вдове Марье Юрьевне, урожденной княжне Трубецкой, и, пройдя еще через руки многих владельцев, разделилось на несколько участков, плотно застроенных во второй половине XIX в. Из зданий XVIII в. остался лишь дом № 4, но и он в 1907 г. был капитально перестроен.

Другую, четную сторону Лебяжьего переуллка занимала обширная усадьба Никиты Моисеевича Зотова, первого учителя молодого Петра, а затем и ближайшего его сподвижника.

Подбирал учителя Петру его старший брат, царь Федор Алексеевич, по рекомендации думного дворянина Федора Соковнина. Выбор пал на дьяка Челобитного приказа Никиту Моисеевича Зотова, человека кроткого и добродетельного. Призвали его во дворец и подвергли строгому экзамену, который он успешно выдержал, после чего и приступил к занятиям с пятилетним Петром. Учение шло обычным порядком – азбука, чтение религиозных книг, письмо (которому Петр так толком и не научился), но Зотов, кроме всего этого, рассказывал своему ученику о русской истории и показывал привезенные из-за границы «потешные фряжские листы» с изображениями городов, рек, гор, животных. Петр любил своего учителя и позже держал около себя, давал важные поручения и сделал его главой – «князь-папой» – дружеских пирушек. Зотова называли там «всешутейший отец Иоаникита, пресбургский, кокуйский и всеяузский патриарх».

Одно время он был «ближним советником и ближней канцелярии генерал-президентом», одним из первых получил титул графа (первым был Борис Петрович Шереметев) и исполнял контрольные обязанности: «взял на себя сие дело государственного фискала, т. е. надсмотрителя, дабы никто от службы не ухоронивался и прочего худа не чинил, и сей свой уряд подписал своею рукой».

Скончался он в 1718 г., оставив троих сыновей – Конона, Василия и Ивана. Ни у старшего, ни у младшего из его сыновей детей не было, и усадьба перешла к среднему брату Василию, а затем к сыну последнего Никите Васильевичу и внуку Ивану Никитичу, который, вероятно, и выстроил существующий главный дом усадьбы, очень может быть, что с использованием каменных палат, стоявших на том же месте.

В 1802 г. усадьба числится за бригадиршей Дарьей Леонтьевной Чемодановой, а с 30 марта 1805 г. – за Александром Васильевичем Алябьевым, отцом известного композитора и значительным чиновником: действительным тайным советником, сенатором, президентом Берг-коллегии и главным директором Межевой канцелярии. Во всем, к чему он имел отношение, Алябьев, деятельный и энергичный, вводил улучшения и исправления. Сразу же после покупки усадьбы он просил позволения Управы благочиния сделать к главному дому пристройки справа и слева, а спереди – портик с колоннами. Всю усадьбу он в марте 1812 г. продал кригс-комиссарше Дарье Алексеевне Шатиловой. При ней изменился декор дома, в котором появились черты ампира.

Бывшая дворянская усадьба много раз переходила из рук в руки, пока в 1890-х гг. в ней не обосновался «водочный завод вдовы М.А. Поповой». Он упоминается в хронике боев октября 1917 г. – на крыше завода были установлены пулеметы юнкеров, охранявших подходы к Кремлю. В советское время в главном доме находилась мастерская архитектора Бориса Иофана, работавшая над проектом Дворца Советов. Ныне его занимает Российская книжная палата.

На углу Лебяжьего переуллка с Ленивкой во владении № 1 архитектор С.С. Эйбушитц в 1889 г. построил помпезно украшенный дом, в крыле которого, смотрящего на Москву-реку, находились жилые квартиры, на Ленивку выходили склады, а по Лебяжьему переулку располагался водочный завод.

Этот дом связан и с именем поэта Александра Межирова. «Дом, в котором я родился и рос, и теперь стоит на берегу Москвы-реки,

окнами на Кремлевскую набережную и Лебяжий переулочек. На другом берегу – Замоскворечье, Болотный рынок, Кадашевские бани, купеческие особняки в тихих переулках, особый, еще не разбавленный замоскворецкий говорок. Помню старый Каменный мост, его деревянные пролеты, храм Христа Спасителя, в который водила меня няня, боясь оставить на мраморных плитах площади. В этом храме она совсем тихо подпевала хору, по-своему молилась. Помню, как храм взорвали», – вспоминал он, находясь уже в Нью-Йорке.

Во дворе этого же владения в 1913 г. построили «синематограф и театр миниатюр» П.Г. Солодовникова (архитектор С.М. Гончаров). Несколько измененный фасад синематографа, открытого в октябре того же года, выходит на Кремлевскую набережную.

Керамическое панно на доме № 3 по Лебяжьему переулку

Летом 1918 г. здесь находился так называемый Театр Народа, в котором ставились спектакли-митинги, то есть во время театрального действия одновременно проходил и митинг на заданную тему. «Митинг введен в пьесу», как объявлялось в газете. В конце 1918 г. в продолжение одного сезона в Театре Народа работал Е.Б. Вахтангов.

Тем же архитектором после пожара в 1913 г. были перестроены в жилой дом (№ 6/1) служебные здания в Лебяьем переулке.

При подготовке первого издания книги о московских переулках в конце 1970-х гг. я с удивлением обнаружил керамические вставки

высоко, под самым карнизом дома. Никто о них не писал, да и вообще не было о них ни малейшего упоминания во всей обширной москвоведческой литературе. Они находились очень высоко, и разобрать, что там изображено, оказалось почти невозможно. Было необходимо сфотографировать их, и желательно с помощью телеобъектива, однако угол зрения был очень острым, ибо Лебязий переулочек отнюдь не отличался шириной. Но в Москве того времени, да еще так близко от Кремля, появление фотографа, да еще с большим необычным объективом, немедленно вызвало бы ответное появление человека в штатском и вполне предсказуемые последствия. Забраться на крышу и снимать оттуда было также нереально. Оставалось надеяться на понимание и помощь жильцов последнего этажа дома напротив. Они прониклись моими просьбами и объяснениями и позволили сделать фотографии.

Ординарные фасады дома оживлены пятью яркими керамическими панно, находящимися под карнизом. На двух из них изображена одна и та же батальная сцена с подписью: «Сшиблись вдруг ладьи с ладьями, и пошла меж ними сеча, брызжут искры, кровь струится, треск и вопль в бою сомкнутом».

И что же значили строки текста под изображением воинов, подъявших копья? Ответ я получил от моих друзей на заседании комиссии по истории московских улиц Общества охраны памятников. Я рассказал о своей находке, процитировал строки надписи и посетовал, что не знаю, откуда они. И тут же раздался голос Нины Михайловны Пашаевой, доктора исторических наук, знатока русской поэзии: «Это строки баллады Алексея Константиновича Толстого „Боривой“».

В ней повествуется о крестовом походе немецких князей и викингов Свена и Кнута, предпринятом с благословения папы римского Евгения III против балтийских славян. Боривой – вымышленное имя славянского вождя, нанесшего сокрушительное поражение крестоносцам в решительной битве (курсивом выделены строки, помещенные на майоликах):

И под всеми парусами
Он ударил им навстречу:
Сшиблись вдруг ладьи с ладьями –
И пошла меж ними сеча.
То взлетая над волнами,
То спускаясь в пучины,
Бок о бок сцепясь баграми,
С криком режутся дружины;
Брызжут искры, кровь струится,
Треск и вопль в бою сомкнутом,
До заката битва длится, –
Не сдаются Свен со Кнутом.

Очень возможно, что эти яркие майолики с таким необычным текстом были установлены после окончания строительства, уже во время ожесточенных сражений с немецкими войсками в Первой мировой войне. Появление патриотических строк А.К. Толстого на московском здании выглядело тогда вполне уместным, тем более что поражение немецкие рыцари испытали в 1147 г., в том самом году, когда впервые была упомянута в летописи будущая столица Русского государства.

Предполагается, что майолики вышли из мамонтовской мастерской Абрамцево, и утверждается (Московский журнал. 1992. № 5), что крайняя слева с изображением драконов и богатыря может принадлежать Аполлинарию Васнецову. Еще в 1898 г., то есть за 14 лет до строительства этого дома, с ним велись переговоры об иллюстрировании стихотворения А.К. Толстого «Дракон». Майолики со сценой битвы и с надписями под ними могут быть сделаны по эскизам М.А. Врубеля, а вот центральная, большая композиция, с портретом девушки в центре, точно принадлежит руке Врубеля. Обнаружилось соответствие портрету, сделанному Врубелем и

находившемся в кабинете Саввы Мамонтова, и изображению на вазе с автографом Врубеля. Предполагается, что это портрет балерины Б.С. Гузикович (в Ростовском музее изобразительных искусств есть его карандашный портрет балерины). Авторство крайней правой майолики с двумя крылатыми грифонами осталось неизвестным.

Интересно отметить, что на одной из центральных улиц Таганрога стоит живописное здание в стиле модерн, щедро украшенное майоликами, очень похожими на московские (как, например, сцена битвы и женский портрет). Этот дом постройки 1910 г. – подарок богатого землевладельца Е.И. Шаронова дочери Марии, проект которого он, как предполагается, заказал архитектору Ф.О. Шехтелю. Действительно, можно усмотреть весьма похожие формы этого дома на формы шехтелевского здания Ярославского вокзала в Москве. В Таганроге считают, что рисунки, по которым были исполнены некоторые керамические украшения, принадлежат Николаю Рериху и Виктору Васнецову.

Возможно, что в доме № 1 (адрес у него был Лебяжий пер., 1, но под № 1 числятся все дома по левой стороне Лебяжьего) в небольшой комнате с видом на Кремль жил в 1913 и 1917 гг. Борис Пастернак, молодой поэт, увлекавшийся заумным словотворчеством футуристов. Некоторые его творения того времени (как, например, «Цыгане», «Мельхиор» и «Об Иване Великом») уже никогда не перепечатывались, а он избегал даже упоминать о них.

Пастернак писал о своей комнатке: «Коробка с красным померанцем – моя каморка...» Тогда эти слова были понятны многим: красный померанец изображался на коробке спичек – отсюда и комнатка, как спичечный коробок.

* * *

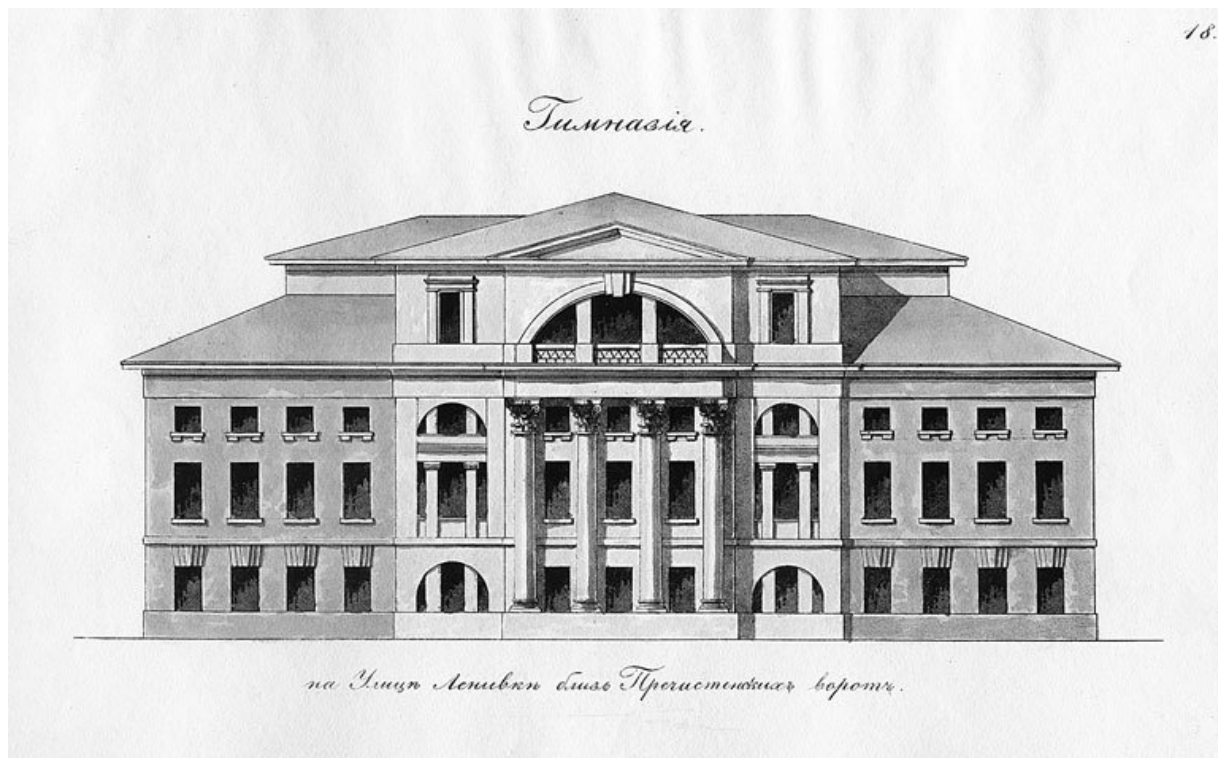
К северо-западу от Волхонки к Знаменке идут, круто изгибаясь, два переулка. Их названия – Большой и Малый Знаменские – произошли от церкви Знамения Пресвятой Богородицы, стоявшей на улице Знаменке. С 1939 по 1991 г. переулок назывался улицей Грицевец (почему-то в именительном падеже). Летчик С.И. Грицевец принимал участие в гражданской войне в Испании и в боях на Халхин-Голе: за обе кампании он был дважды награжден званием Героя Советского Союза.

Большой Знаменский переулок начинается от Волхонки зданиями (№ 1 и 2), когда-то принадлежавшими старинной 1-й московской гимназии.

Ее основное здание (№ 2/16) имеет долгую и сложную историю. Известно, что в 1722 г. княгиня А.Г. Волконская продала вице-губернатору П.Е. Ладыженскому этот участок; на плане, снятом через 30 лет (тогда он принадлежал коллежскому советнику И.П. Ладыженскому), на нем показаны каменные палаты с планом сложной уступчатой формы примерно на месте современного здания. Двор этот был дан дочери Ладыженского в приданое, когда она выходила замуж за князя Василия Сергеевича Долгорукова.

Во время приезда в Москву императрицы Екатерины II в 1775 г. на празднование заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией все окружающие дома были либо сняты, либо куплены в казну для размещения многочисленного двора (тогда Кремлевский дворец перестраивался Баженовым, а Головинский дворец незадолго перед тем сгорел). Так был приобретен и дом на углу Большого Знаменского переулка, в котором поместился цесаревич Павел. В том же году Екатерина пожаловала дом генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайскому, который после пожара, происшедшего через 13 лет, продал его. В конце XVIII в. дом, принадлежавший тогда бригадиру Ф.А. Лопухину, предназначался под казармы, а в начале XIX в. переделывался для «приему азиатских посланников». В 1804 г. дом был продан университету для «главного народного училища» и его опять переделывали (в этом участвовал архитектор

М.Ф. Казаков). В 1810 г. дом сгорел и стоял неотделанным, а в 1812 г. он опять пострадал от пожара, и только в мае 1819 г. в нем открылась губернская гимназия, ставшая 1-й московской.

1-я московская гимназия

Одно время директором гимназии был М.А. Окулов, женатый на сестре Павла Воиновича Нащокина. Вероятно, здесь у Окулова, который, по отзывам, «...для какого-нибудь Дюма, Бальзака или Сю мог бы заменить рудник калифорнийский по своему неистощимому запасу анекдотов, комедий, трагедий, романов и повестей», бывал А.С. Пушкин.

В 1-й московской гимназии преподавали известные ученые Н.С. Тихонравов, А.А. Григорьев, А.А. Крубер, Я.И. Вейнберг, а список учеников блистает именами А.Н. Островского, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, П.А. Кропоткина, Ф.Н. Плевако, Н.А. Умова, В.Ф. Снегирева, В.Я. Цингера, П.Н. Милюкова, Н.И. Бухарина, И.И. Артоболевского, И.Г. Эренбурга, К.Н. Игумнова и других известных

деятелей. На сцене гимназического театра впервые выступил будущий известный артист Малого театра Н.И. Музиль. В актовом зале гимназии была выставлена картина Иванова «Явление Христа народу». В 1872 г. в здании гимназии открылись Высшие женские курсы.

В советское время в здании размещался Коммунистический университет трудящихся Востока (КУВТ, созданный в 1921 г. при Наркомпросе РСФСР) – организация, готовившая кадры для проведения пропагандистской работы, затем Лесотехнический институт и несколько институтов красной профессуры (мирового хозяйства и мировой политики, экономики), а впоследствии различные учреждения, в том числе Министерство лесной промышленности.

На другой стороне Большого Знаменского переулка здание (№ 1/18) также связано с 1-й московской мужской гимназией – оно было приобретено для нее в декабре 1831 г. В основе своей это здание, возможно, второй половины XVIII в. – на плане усадьбы гвардии прапорщика П.П. Дохтурова 1758 г. на его месте показаны каменные палаты. В 1760– 1790-х гг. усадьба принадлежала князьям Волконским, при которых, возможно, и был возведен существующий дом. От них усадьба в 1798 г. перешла к статской советнице А.И. Ушаковой, и в 1814 г. наследник продал ее Елизавете Михайловне Ермоловой, жене бывшего екатерининского фаворита. В 1817– 1818 гг. этот дом снимал И.А. Яковлев, отец Александра Герцена.

Уже в 1880-х гг. к старому зданию был пристроен двухэтажный корпус на углу с Пречистенским бульваром (ныне – Гоголевский бульвар), где помещались учреждения Московского учебного округа.

В советское время в старинном доме находились РАНИОН, то есть Ассоциация научных институтов общественных наук, ЦК Всероссийского Пролеткульта, в продолжение многих лет редакция уникального научного издания «Литературное наследство», а теперь академический Институт русского языка.

По левой стороне Большого Знаменского переуллка тянутся строения, расположенные на участках, которые выходят к Гоголевскому бульвару. Из них можно отметить бывшее убежище для бедных (№ 5, 1854 г.), принадлежавшее церкви Ржевской Богоматери, которая находилась на месте здания (№ 9), построенного в 1930 г.

Дом № 13 состоит из двух разновременных частей. Левая построена после 1812 г. (здесь характерны ампирные воротные столбы с полукруглыми нишами), а правая – в 1852 г. С 1926 по 1938 г. в нем жил известный композитор В.Я. Шебалин. Он приехал в Москву из Омска, показал свои сочинения и был зачислен в консерваторию. В первые годы он жил в коммунальной квартире в проходной комнате в 7-м Ростовском переулке.

После окончания консерватории в 1928 г. он преподавал там же и вскоре стал профессором. В доме в Большом Знаменском переулке были написаны такие известные произведения, как Четвертая симфония, посвященная героям боев за Перекоп, симфония «Ленин» на текст Маяковского, встреченная довольно критически.

Здесь у Шебалина обычно останавливался в свои приезды в Москву его близкий друг Д.Д. Шостакович. В квартире стоял специально для него диванчик, где он спал и работал, – в этой квартире была написана часть музыки к спектаклю «Гамлет».

В прошлом места эти отличались обилием церквей. Так, на участке дома № 15 еще до 1793 г. стояла церковь Пятницы, «что на Нарышкином дворе» – по находившейся рядом большой усадьбе Нарышкиных (Гоголевский, бывший Пречистенский бульвар, 10). На месте разобранной церкви долгое время был пустырь, застроенный только в 1832 г. Фасад дома получил свой современный вид, вероятно, в 1886 г., когда к нему с правой стороны пристроили объем с лестницей. В этом доме в 1845 г. жил литературный критик, философ, один из основоположников славянофильства И.В. Киреевский.

Двухэтажное, с небольшим мезонином здание рядом (дом № 17) напоминает о его владельце – славном партизане, герое Отечественной войны 1812 г. генерал-майоре Денисе Давыдове. Выйдя в отставку, он в 1823 г. поселяется в Москве и живет в наемных домах. Только в начале 1826 г. Давыдов покупает на имя жены этот небольшой дом в Большом Знаменском переулке и живет в нем до 1830 г. – в исповедных ведомостях регулярно записываются живущими в собственном доме «генерал-майор Дионисий Васильевич Давыдов, его жена Софья Николаевна и дети Василий, Николай, Дионисий и Ахиллий». Можно предположить, что здесь Дениса Давыдова посещал А.С. Пушкин. Давыдовы продали этот дом в 1833 г., но переехали отсюда тремя годами ранее – они опять стали снимать дома, а в 1835 г. купили великолепный дом-дворец на Пречистенке, 17.

Правая сторона улицы – длинный ряд служебных помещений бывшей 1-й московской гимназии (№ 2) и выходящих сюда строений соседних участков. Однообразные двухэтажные здания прерываются только доходным жилым домом (№ 4), построенным в 1908 г. (архитектор А.Ф. Мейснер). На его месте до 1774 г. стояла церковь Николы, «что в Турыгине» – так тогда называлась окружающая местность.

В современном доме перед большевистским переворотом жил профессор Московского университета Ю.В. Готье, перу которого принадлежит более 180 работ по различным вопросам истории России, в числе которых такие классические труды, как «Замосковский край в XVII в.» и «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II»; он же перевел с английского записки «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Ему принадлежит интереснейший дневник, первая запись в который была сделана 8 июля 1917 г.: «Я, образованный человек, имевший несчастье избрать своей ученой специальностью историю родной страны, чувствую себя обязанным записывать свои впечатления и создать этим очень несовершенный, но все же

исторический источник, который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем». Уникальность его была в том, что этот исторический источник принадлежал историку, видевшему больше других и могущему обобщать и сравнивать не так, как делали другие. Предчувствуя обыски и гонения со стороны новой власти, он, сделав последнюю запись в июле 1922 г., передает рукопись американскому профессору Ф. Гольдеру, бывшему тогда в Москве и сохранившему его в составе Гуверовской библиотеки Стенфордского университета, в которой она пролежала никем не замеченная (была без подписи, без каких-либо сопроводительных заметок) до тех пор, пока ее не опознал крупнейший специалист по русской истории Э. Казинец. Теперь же дневник опубликован в России.

Готье недаром ожидал пакостей от большевиков – они все-таки состряпали так называемое «академическое дело», арестовав известных ученых по обвинению в создании мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Готье, бывшего тогда главным библиотекарем Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина, приговорили к пяти годам заключения в лагере, но отделался он легко: его выпустили до срока и позволили вернуться в Москву, заняться наукой и даже разрешили быть академиком, в то время как многие из арестованных не только отсидели полные сроки, но и поплатились жизнью.

В этом же доме на первом этаже в 1930-х гг. была квартира композитора и пианиста Ф.Ф. Кенемана. Он окончил с золотой медалью Московскую консерваторию, долгое время преподавал там, написал более ста произведений, в том числе гимн на открытие Большого зала, и многие годы был аккомпаниатором Ф.И. Шаляпина.

За перекрестком с Антипьевским переулком, почти у Знаменки, внимание привлекает изящный небольшой дом (№ 8), стоящий в глубине асфальтированной площадки, которая возникла после сноса ветхих строений, прилегавших к Знаменской церкви (№ 10/17). Дом этот показан на плане еще 1752 г. – он принадлежал тогда лейб-гвардии конногвардейского полка ротмистру князю Николаю

Шаховскому, а в 1776 г. – его сестре поручице Н.А. Пассек, которая сдавала дом Военной и Провиантской конторам. В конце XVIII в. владельцем дома был богатый пензенский помещик, прадед М.Ю. Лермонтова (и прадед известного политического деятеля П.А. Столыпина) Алексей Емельянович Столыпин. Его дом был, как писал П.А. Вяземский, «сборным местом увеселений и драматических зрелищ», а труппа крепостных актеров славилась в Москве: «Было человек десяток мужского и женского пола между актерами с хорошими способностями и некоторые пьесы разыгрывали превосходно!»

По воспоминаниям А.М. Тургенева, современника событий, «Приехал в Москву симбирский дворянин Алексей Емельянович Столыпин, себя и дочерей своих показать, добрых людей посмотреть, хлебом-солью покормить и весело пожить; у дворянина был, из доморощенных парней и девок, домовый театр – знатная потеха. После, года через три, как дворянин попроелся, казна его поистряслась, он всю стаю актеров и актрис продал к Петровскому театру, поступившему в то время в ведение и управление Московского опекунского совета. Алексей Емельянович, – не тем будь помянут, царство ему небесное, не гной его косточки, – нигде ничему не учился, о Мольере и Расине не слыхивал, с молодых дней бывал игроком, забиякой, собутыльником Алексею Орлову (гр. Алексею Григорьевичу), а под старость страдал от подагры, геморроя и летом обувал ноги свои в бархатные на байке сапоги. Вот полнейшая биография почившего, – ни прибавить, ни убавить нечего».

Когда он собрался уже распродавать своих актеров, они смогли подать императору Александру I прошение: «Слезы несчастных никогда не отвергались милосерднейшим отцом, неужель божественная его душа не внемлет стону нашему. Узнав, что господин наш, Алексей Емельянович Столыпин, нас продает, осмелились пасть к стопам милосерднейшего государя и молить, да щедротами его искупит нас и даст новую жизнь тем, кои имеют уже

счастье находиться в императорской службе при Московском театре. Благодарность будет услышана Создателем Вселенной, и он воздаст Спасителю их», и, как ни странно, царь услышал их, чему помогло немало то, что владелец после торговли скинул с запрашиваемой цены – 42 тысячи – 10 тысяч. Артисты смогли увидеть на афише перед своими фамилиями желанную букву «г.», что означало «господин» или «госпожа», означавшую, что бывшие крепостные стали свободными людьми.

В 1805 г. усадьбу приобрел князь В.А. Хованский, который через три года уже продал ее. Причиной столь скорой продажи послужило происшествие, которое показалось ему знаменательным: когда умер его сосед, князь А.И. Вяземский (отец поэта), священник приехал на отпевание по ошибке в дом Хованского и, увидев, что хозяин жив, сказал ему: «Как я рад, князь, что встречаю вас; а я думал, что приглашен в дом ваш для печального обряда». Суеверный Хованский поспешил продать дом. Его приобрел князь И.Н. Трубецкой. Возможно, что Пушкин в молодости посещал этот дом; он был знаком с сыном хозяина, Николаем Трубецким, прозванным «le paine jaune» (то есть желтый карлик), которому посвятил одно из юношеских стихотворений. В доме была большая библиотека, где, в частности, хранился один раритет, о котором рассказал друг Пушкина С.А. Соболевский: «В знак особого ко мне расположения Пушкин напечатал один экземпляр своей поэмы „Цыганы“ на пергаменте и преподнес его мне; впоследствии я отдал этот экземпляр князю Николаю Ивановичу Трубецкому».

В 1850-х гг. здесь жил известный врач, директор университетской клиники А.И. Овер. В 1882 г. старинный дом приобрел за 160 тысяч (тогда это считалось недорогим) купец Иван Васильевич Щукин, глава крупной и уважаемой торговой фирмы.

Щукины происходили из Боровска, где они были известны с 1625 г. В Москве Щукины занялись торговлей мануфактурным товаром и основали одну из самых крупных русских компаний, имевшую дело по всей России и Персии.

И.В. Щукин имел большую семью, и все его сыновья прославились на ниве собирательства. После рождения в январе 1886 г. долгожданного внука он подарил особняк своему сыну Сергею Ивановичу, который не только исключительно успешно управлял делами торгового дома «И.В. Щукин и сыновья», но и собрал лучшую коллекцию картин французских импрессионистов, и это в то время, когда их произведения встречали во Франции полным непониманием и насмешками.

О коллекции Щукина известный искусствовед Я.А. Тугенхольд сказал, что «Россия, снежная Москва, может гордиться тем, что дала бережный приют этим экзотическим цветам вечного лета, которых не сумела подобрать их официальная родина-мачеха Франция. В этом московском убежище не только самое большое собрание гогеновских картин, но, может быть, и наилучшее по своему выбору». В щукинской коллекции находились картины Моне, Гогена, Пикассо, Руссо, Матисса. Последний, приехав в Москву в 1911 г., сам развешивал свои картины в этом доме. Галерея Щукина производила на современников необычайное впечатление – ею непомерно восхищались и так же ругали. Александр Бенуа, отнюдь не однозначно относившийся к увлечению Щукина, признавал: «Что должен был вынести этот человек за свои „причуды”? Годами на него смотрели как на безумного, как на маниака, который швыряет деньги в окно и дает себя „облапошивать” парижским жуликам. Но С.И. Щукин не обращал на эти вопли и смехи никакого внимания и шел с полной чистосердечностью по раз избранному пути. Но больше, нежели от этих внешних уколов, ему пришлось пострадать от собственных сомнений и разочарований. Каждая его покупка была своего рода подвигом, связанным с мучительными колебаниями по существу...»

С.И. Щукин устраивал у себя музыкальные собрания, на которых лучшие московские музыканты исполняли произведения С.В. Рахманинова, Н.К. Метнера, А.Н. Скрябина. Щукинский дом в 1913 г. перестраивал Л.Н. Кекушев – он сделал пристройку слева, он же

оформил интерьеры. В 1918 г. галерея была объявлена государственной собственностью и стала называться «1-м музеем новой западной живописи». Когда в середине 1920-х гг. спросили оказавшегося в эмиграции С.И. Щукина, собирается ли он требовать свои картины из СССР, то он ответил: «Вы знаете, я собирал не только и не столько для себя, а для своей страны и своего народа. Что бы на нашей земле ни было, мои коллекции должны остаться там» (он, правда, не предполагал, что власть на его родине будет распродавать художественные сокровища). В 1929 г. бывшая Щукинская галерея была переведена в дом № 21 на Пречистенке, а здесь, в Большом Знаменском переулке, поместился Музей фарфора и позднее – Музей К. Маркса и Ф. Энгельса. С тех пор бывший барский и купеческий особняк, полный артистических воспоминаний, оккупировали военные, и совсем недавно прохожим запрещалось даже останавливаться около него.

Сейчас на месте, где до 1931 г. находилась церковь Знамения, ничего нет – ее снесли для того, чтобы еще один храм не мозолил глаза московским властям. Церковь стояла почти на линии улицы, правее дома № 15 по Знаменке (любопытно, что на воротах этого дома сохранились инициалы бывшего владельца «С» и «Г» – князя Сергея Голицына). Время строительства церкви неизвестно, первое упоминание о ней содержалось в надписи на одном из колоколов: «1600 года, марта 20 дня. Сей колокол церкви Знамения Пресвятой Богородицы вылит подаянием приходских людей, а перелит 1757 Декабря 7 дня». Но, конечно, церковь стояла здесь и ранее – ведь Знаменка была одной из самых старых улиц города, по которой проходила дорога, часть торгового пути из Новгородской земли в приокские города. Возможно, что и само строительство церкви, от которой произошло название улицы, посвященной празднику, имевшему новгородское происхождение, обладает особым значением. При осаде Новгорода в 1170 г. войсками князя Мстислава Андреевича город спасла икона с изображением Богородицы. Архиепископ вынес ее на крепостную стену, и в нее

ударил стрела нападавшего – икона оборотилась ликом к врагам и начала источать слезы. Тут гром небесный поразил наступавших, их обуял ужас, и стали они побивать друг друга и ударились в бегство. С тех пор появление – «знамение» – Богородицы стало праздноваться в Новгороде, а затем и в Москве. Сын священника этой церкви был, по некоторым известиям, Лжедмитрием II, Тушинским вором. В «расспросных речах», то есть в протоколах следствия, ведшегося властями после подавления выступления самозванца (в 1608 г.), было записано: «...сказывал де с пытки князь Дмитрий Мосалской Горбатой, а был на Костроме от вора (то есть Лжедмитрия II. – *Авт.*) воевода, который де вор называется Царем Дмитрием и тот де вор с Москвы, с Арбату от Знаменья Пречистья из-за Конюшен попов сын Митка...» Одноглавый четверик церкви был выстроен в первой половине XVII в. после Смутного времени – известно, что в 1629 г. ее деревянное здание горело, а в 1657 г. она значилась уже каменной. В 1667 г. подали прошение: «Вели Государь у тое церкви Знаменья Богородицы построить колокольню каменную». Во второй половине XVIII в. она была построена заново. Церковь закрыли в 1929 г. «ввиду острой необходимости рабочих и служащих РВС (то есть Революционного военного совета, помещавшегося рядом, в доме № 19. – *Авт.*) и 1-й типографии Наркомата военных и морских дел в помещении клуба» и через два года разрушили. Раньше от церкви через переулок была перекинута арка, соединявшая ее с соседним дворцом (№ 23/19). Здесь в XVIII в. находились каменные палаты на двух участках: один – на углу с Большим Знаменским переулком, а другой – далее по Знаменке. Последний принадлежал графам Толстым. При генерал-аншефе Матвее Андреевиче по плану 1753 г. на красной линии улицы стояли палаты, названные «старыми». После его смерти в 1763 г. они перешли к вдове Анне Андреевне, урожденной графине Остерман, потом сыну Федору, лейб-гвардии Преображенского полка секунд-майору. Угловым участком владели графы Иван и Петр Головкины – внуки знаменитого петровского канцлера Г.И. Головкина, главы

дипломатической службы, царедворца, пережившего четыре царствования: Петра Великого, Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны, и дети Александра Гавриловича Головкина. В 1763 г. они заключили купчую крепость: «...ноября в пятый день в роде своем не последние продали мы лейб-гвардии капитан порутчику Графу Федору Алексею сыну Апраксину наш двор с каменными всякими полаты и с деревянным всяким же строением» за 5 тысяч рублей. Оба двора разделялись переулком, ведущим к церкви св. евангелиста Луки (позднее переулок ликвидировали и вход в него закрыли зданием питейного дома). К 1790-м гг. оба владения вместе с питейным домом перешли к генералу С.С. Апраксину, который в начале 1800 г. получил разрешение «по сломке каменных и деревянных строений... вновь построить каменный корпус в три этажа», который стоял вровень со старым корпусом, на углу с Большим Знаменским переулком, а в дополнение к сему позволенному строению... по улице Знаменка приделать портал на два аршина для колонн». Еще в 1801 г. велись работы в правой части, на месте палат Ф.М. Апраксина, где «фундамент выбрать до материка... поменять цоколь, делать, где назначено, венецианския окна с колонами... а также стены, своды, карнизы и прочее по показанию архитектора самую прочною работою зделать». Проект приписывается архитектору Франческо, или, как его звали в России, Францу Ивановичу, Кампорези. Он имел немалую практику в Москве, но подтвержденных атрибуций немного – достоверно известно, что он строил для того же Апраксина замечательную подмосковную усадьбу Ольгово.

Степан Степанович Апраксин славился в Москве своим гостеприимством. «Богат-пребогат, фамилия не только знатная, но и заслуженная, дом как полная чаша; своя музыка, свой театр, свои актеры, любит жить на большую ногу, приветлив и радушен – гуляй, Москва!» – писал современник. О таких говорил Фамусов в «Горе от ума»: «Он не то на серебре, на золоте едали; сто человек к услугам». Апраксины были соседями Яньковых, и Елизавета Петровна Янькова,

чьи рассказы записал внук, рассказывала: «...не знаю, был ли дом, подобный их дому, до их переселения в Москву, но что после них не было подобного, это я могу сказать по всей справедливости. Степан Степанович жил в Москве как совершенный вельможа; без лести он был у нас в Москве последним истинным вельможей по своему образу жизни. Состояние Апраксиных позволяло им жить по-барски, потому что имели они 13 или 14 тысяч душ крестьян. Самое любимое их место жительства было село Ольгово, которое они привели в цветущее положение; а дом их в Москве, на углу Знаменки, рядом с церковью через переулок, был в свое время совершенным дворцом и по обширности одним из самых больших домов в Москве. В этом доме бывали такие празднества, каких Москва уже не увидит. В 1818 г., когда двор был в Москве, Апраксины давали бал, и вся царская фамилия и какие-то принцы иностранные были на этом празднике, а званых гостей было, я думаю, 800, ежели не 1000 человек». Е.П. Янькова подробно рассказывала о семье Апраксиных и образе жизни богатых дворян: «Скажу без хвастовства и лести, что то, что нам пришлось видеть на нашем веку, мне и дочерям моим, того ни дети их, ни внуки, конечно, уже не увидят. Тогда было совсем другое время, и жизнь проводили иначе, чем теперь: кто имел средства, не скупился и не сидел на своем сундуке, а жил открыто, тешил других и сам чрез то тешился; а теперь только и думают о себе, самим бы лишь было хорошо да достаточно. Впрочем, надобно и то сказать, что теперь у всех средства далеко не такие, как тогда, и все несравненно дороже стало, и люди требовательнее, потому что больше во всем роскоши».

В 1812 г. в этом доме квартировал наполеоновский главный интендант граф Дарю, и тут останавливался его двоюродный брат Анри Бейль (известный позднее под псевдонимом Стендаль), отправившийся в Россию вместе с наполеоновской армией в предвкушении быстрых побед. Но вскоре он писал домой: «Я не слишком жажду оставаться здесь. Как человек меняется! Моя привычная жажда видеть новые неизвестные места оставила меня. В

этом океане варварства не было ни звука, который находил бы отражение в моей душе», а из Смоленска при отступлении он рассказывает: «Однажды вечером я нашел несколько картофелин и съел их без соли с заплесневелым солдатским хлебом. Теперь вам понятно наше отчаянное состояние. Граф Дюма приказал мне отправиться с обозом из 1500 раненых. Каждый день мы непременно проводили два или три часа в грязной канаве в полнейшей беспомощности. Вот когда я проклинал свою глупую мысль поехать в Россию...»

В.А. Тропинин. Портрет Александра Сергеевича Пушкина. 1827 г.

После пожара 1812 г. апраксинский дворец быстро отстроили, но в ночь с 14 на 15 июля 1814 г. он опять горел – на этот раз от

забытой свечи, но, несмотря на большие убытки, был отстроен заново, и в нем возобновилась прежняя роскошная жизнь – балы, приемы, ужины. Дочь владельца княгиня С.С. Щербатова рассказывала «об экспромтном бале, данном ей отцом Степ. Степанов. Апраксиным, Государю Александру I в один из приездов его в Москву. Император Александр I, при представлении ему С.С. Апраксина, выразил желание быть у него на вечере. Польщенный вниманием Государя, С.С. Апраксин пригласил на этот вечер, кроме свиты Государя, все московское дворянское общество в свой знаменитый дом на углу Арбатской площади и Пречистенского бульвара. Слабое развитие колониальной торговли в Москве в то время, бездорожье окрестностей и вообще невозможность добыть что-нибудь особо выдающееся в тогдашних магазинах поневоле вынудило графа обходиться собственными средствами и запасами. Немедленно были посланы нарочные в подмосковные имения графа, откуда были доставлены померанцевыя, лимонныя, лавровыя и другия деревья, наполнявшия оранжереи, и ими украшены московския палаты графа. Всю провизию и фрукты тоже доставила вотчина С.С., и роскошный бал, осчастливленный присутствием Государя, состоялся при тысячной публике русскаго дворянства. Оркестр, прислуга – были свои, и провизия к ужину не покупная. Великолепный бал стоил графу всего пять тысяч ассигнациями. Конечно, там не было ничего сверхъестественного: ни мартовской земляники, ни январских вишен, ничего ненатуральнаго и противнаго природе и климату, а было то, что соответствовало времени и стране». Но не только ужинами угощал Апраксин – в его доме проходили и литературные вечера, чтения и концерты, известен был и манеж его, где обучались верховой езде и покупали лошадей. Он был большим любителем театра, и на небольшой сцене выступали не только его крепостные актеры, но и многие вельможные любители. И москвичи еще долгое время помнили постановки, в которых гремели настоящие охотничьи рога, за кулисами слышался лай гончих собак, а по сцене бегали живые

олени. Четыре года (в 1814–1818 гг.) играла труппа московского императорского театра, и 4 ноября 1817 г. состоялся дебют знаменитого артиста Павла Мочалова в пьесе «Эдип в Афинах», в которой играли его отец и сестра. По воспоминаниям одного из зрителей, «Мочалов играл великолепно, рукоплескания не прерывались, триумф был полный...». В апраксинском театре долгое время выступала французская труппа и итальянская опера. А.С. Пушкин, вырвавшись из михайловской ссылки, был захвачен вихрем московских развлечений и конечно же театром. Узнав в Одессе, что в Петербург приезжает итальянские актеры во главе с самим Россини, он тут же написал Дельвигу: «Правда ли, что едет к вам Россини и итальянская опера? – Боже мой, это представление рая небесного. Умру с тоски и зависти». Известно, что он в феврале 1827 г. дважды побывал на спектаклях итальянской оперы, и конечно же он выбрал оперы Россини:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в Оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.
Он звуки льет – они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как закипевшего Аи
Струи и брызги золотые...

В субботу 5 февраля, перед Масленицей, Пушкин был на премьере оперы Россини «Магомет», а через два дня, 7 февраля, – на представлении знаменитой оперы «Сорока-воровка». Его кишиневский знакомый Филипп Филиппович Вигель, приехавший в

Москву на несколько дней, встретил в театре Пушкина и другого кишиневского приятеля – Н.С. Завалиевского: «Тут в креслах встретил я двух одесских знакомых, Пушкина и Завалиевского. Увидя первого, я чуть не вскрикнул от радости; при виде второго едва не зевнул. После ссылки в псковской деревне Москва должна была раем показаться Пушкину, который с малолетства в ней не бывал и на неопределенное время в ней остался. Я узнал от него о месте его жительства и на другой же день поехал его отыскивать. Это было почти накануне моего отъезда, и оттого не более двух раз мог я видеть его; сомневаюсь, однако, если б и продлилось мое пребывание, захотел ли бы я видеть его иначе, как у себя. Он весь еще исполнен был молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь: общество его не могло быть моим. Особенно не понравился мне хозяин его квартиры, некто Соболевский».

Об этом театре вспоминал и Герцен, как он мальчиком посещал его: «Изредка отпускал он [отец] меня с Сенатором [так прозвали в доме его дядю] в французский театр; это было для меня высшее наслаждение».

В июне 1832 г. дворец был приобретен за 350 тысяч рублей (200 тысяч из них были пожертвованы П.П. Бекетовым) Александринским сиротским институтом (ему покровительствовала императрица Александра Федоровна), созданным «для призрения сирот чиновников, умерших от холеры в Москве» (его перевели из дома Разумовского на Гороховом поле), и здание значительно переделали. В 1850 г. институт преобразовали в Александринский сиротский кадетский корпус (его окончил известный историк русской литературы А.Н. Веселовский), а в 1863 г. – в Александровское военное училище, которым гордились москвичи. «Москва в число своих фаворитов неизменно включала и училище в белом доме на Знаменке, с его молодцеватостью и вежливостью, с его оркестром Крейнбринга и с превосходным строевым порядком на больших парадах и маневрах», – писал выпускник училища А.И. Куприн. Училище закончили генералы Н.Н. Юденич и Н.Н. Духонин, актер Б.В.

Щукин, историк П.Н. Миллер, советские военные деятели С.С. Каменев и М.Н. Тухачевский, электротехник В.Н. Чиколев, там преподавали С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Герье, И.К. Бабст, А.И. Чупров, Н.И. Стороженко, И.А. Каблуков, Е.М. Пржевальский.

В октябре – ноябре 1917 г. училище стало основным очагом сопротивления отрядам большевиков. Впоследствии в здании находились Реввоенсовет, комиссариат и Министерство обороны. В 1944–1946 гг. здание полностью перестроили по проекту архитекторов М.В. Посохина и А.А. Мндоянца, пристроив к нему тяжелый 12-колонный портик, тимпан которого до отказа заполнен военными атрибутами.

Малый Знаменский переулоч (в 1926–1993 гг. улица Маркса и Энгельса) почти точно повторяет изгибы Большого. Как и он, Малый Знаменский начинается от Волхонки. С его правой стороны – величественное здание Музея изящных искусств имени Александра III. В советское время – с 1932 г. – он стал называться Музеем изобразительных искусств, а с 1937 г. – имени А.С. Пушкина, хотя поэт никакого отношения ни к музею, ни к его коллекциям не имел, и давно пора называть его именем создателя И.В. Цветаева. Здание музея находится на территории старинного конюшенного (или колымажного) двора московских государей, который был показан на этом месте еще на первых планах-рисунках Москвы конца XVI в. Согласно описанию, сделанному в XVIII в., по всему периметру участка, занимавшего квартал между Волхонкой и переулками, стояли одноэтажные здания, где находились конюшни, манеж, «ложа для благородных зрителей» (со стороны Малого Знаменского переулка), несколько домов для солдат и служителей, «большой амбар, где стоит богатой старинной экипаж и конские старинные уборы лежат», а также «навес для просушки старинного богатого экипажа». В конце XVIII в. здесь открылся манеж для обучения верховой езде молодых московских дворян, который существовал почти до 1860-х гг., и здесь также размещались воинские команды.

Во время Крымской войны крепостные крестьяне понадеялись было на освобождение – их же призывали защищать Отечество, – шли в Москву, где их ловили и отправляли обратно, закованными в кандалы, а до этого держали в Колымажном дворе и в Манеже. В 1863 г. устроили пересыльную тюрьму, о которой вспоминали как о нечто ужасном: «Это была отвратительная тюрьма, и вряд ли в каком-нибудь государстве земного шара существовало нечто подобное». Очевидец рассказывал: «Площадь застроена была каретными сараями старинной постройки, обращенными в жилое помещение для пересыльных арестантов. Что это было за помещение, я описывать не буду – один ужас». В 1881–1882 гг. тюрьму – «эту клоаку в центре города» – уничтожили и сломали все строения, и в самом центре Москвы долгое время был обширный пустырь, на котором хотели выстроить реальное училище, но Московскому университету удалось получить эту землю для постройки учебного музея. Создание его неразрывно связано с профессором Иваном Владимировичем Цветаевым, который задумал создать при Московском университете учебный музей, в котором были бы собраны копии всех значительных произведений скульптуры мира. Был объявлен конкурс, на котором первую премию получил Г.Д. Гримм, вторую – Л.Я. Уралу, третью – П.С. Бойцов, но окончательный проект было решено передать Р.И. Клейну, создавшему шедевр, прославивший его имя. За этот проект Академия художеств присвоила Роману Ивановичу Клейну звание академика архитектуры. В 1898 г. в летний день 17 августа происходила закладка здания, а строительство его продолжалось с некоторыми перерывами почти 12 лет. Применялись лучшие строительные материалы не только из России, но и Финляндии, Швеции, Польши, Италии, Венгрии. Все проектные и строительные работы происходили под непосредственным наблюдением Цветаева, старавшегося добиться точного воспроизведения деталей греческой архитектуры. К отделке залов были привлечены многие известные художники – И.И. Невинский, К.П. Степанов, П.В.

Жуковский и др. Только с помощью многочисленных жертвователей и московской администрации в лице великого князя Сергея Александровича мысль Цветаева удалось претворить в действительность, но, однако, без поддержки такого щедрого мецената, как Ю.С. Нечаев-Мальцев, музей не был бы построен. Как писал в дневнике о нем И.В. Цветаев: «Один такой покровитель Музея стоит мне целого десятка московских купцов и бар, сношения с которыми подчас так тяжелы, утомительны и бесплодны». Только на облицовку здания он пожертвовал 300 тысяч рублей, а всего Нечаев-Мальцев потратил на музей около двух с половиной миллионов. Музей был открыт 31 мая 1912 г., создатель его через год скончался от сердечного приступа, и по справедливости музею должно быть присвоено именно его имя – Ивана Владимировича Цветаева. Через сорок дней умер и главный даритель, без которого Москва не имела бы этого музея, – Юрий Степанович Нечаев-Мальцев. Музей сразу же стал одним из самых крупных культурных центров Москвы – недаром именно туда попала ценнейшая коллекция египетских древностей В.С. Голенищева, когда этот собиратель был вынужден продать ее. Само здание музея является учебным экспонатом: на наружном портике находится фриз, созданный петербургским скульптором Г.Р. Алеманом, «Олимпийские игры», за колоннадой – фриз «Панафинейская процессия», повторяющий фриз Парфенона, выполненный скульптором Л. Армбрустером. «Итальянский дворик», где стоит статуя Давида, скопирован (с изменением пропорций) с дворика палаццо Барджелло во Флоренции, в Белом зале воспроизведен фриз балюстрады храма Ники Аптерос в Афинах, а пол сделан по образцу пола церкви S. Paolo fuori le mura в Риме. В советское время музей многократно увеличил количество своих экспонатов и стал музеем мирового значения. Сейчас остро стоит вопрос о ремонте здания музея, о его техническом оснащении, о фондовом хранилище. Недавно был проведен конкурс на «Музейный городок», в котором победили архитекторы Сергей Ткаченко и Андрей Боков в

соавторстве с именитым английским архитектором Норманом Фостером. По проекту реставрация, приспособления и новое строительство должны закончиться к 2018 г. Предусматриваются подземные сооружения, где поместятся концертный зал, библиотека вместе с ресторанами, кафе, магазинами, парковками и подземными переходами. Планируется реставрировать усадьбу Вяземских позади музея в Малом Знаменском переулке (№ 5), где будет картинная галерея, постройка фондохранилища, реконструкция стеклянного купола, перекрытие внутренних дворов и превращение всего района около музея в пешеходную зону. Как считает директор музея, Норман Фостер – это «тот архитектор, который умеет вести диалог с историческим наследием и его сверххайтековские проекты отличает высокая художественность», что вызывает серьезные сомнения – достаточно вспомнить его скандальный лондонский небоскреб в виде огромного огурца, беспардонно вылезавшего отовсюду, или неудачное восстановление берлинского Рейхстага.

На углу Волхонки и **Малого Знаменского переулка** – здание (№ 1/14), занимаемое Музеем личных коллекций. Инициатором создания его был И.С. Зильберштейн, неутомимый исследователь истории русской культуры и один из крупнейших коллекционеров, собравший более 2300 произведений искусства Западной Европы и России. Для музейных экспозиций пришлось коренным образом перестроить здание, в котором перед передачей его музею находился «Автоэкспорт» (авторы реконструкции, проведенной в 1988–1993 гг., – Д.В. Буш, И.М. Виноградский). До советского времени это была гостиница «Княжий двор» (1892 г., архитектор В.Г. Залесский). Здесь останавливались В.И. Суриков, М. Горький, М.Н. Покровский, И.Е. Репин, А.Н. Скрябин, И.Г. Эренбург, Л.О. и Б. и А.Л. Пастернаки, А.И. Эртель, В.О. Массалитинова. В «Княьем дворе» в 1913 г. собрались художники и литераторы, приветствовавшие И.Е. Репина, приехавшего в Москву после того, как он получил известие о том, что сумасшедший порезал его знаменитую картину «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». На этом собрании

выступил И.А. Бунин, выразивший от имени собравшихся сочувствие художнику. По трагической мощи эта картина превосходит все, что было создано до Репина в мировом искусстве. Крамской взволнованно говорил: «Вот она, вещь, в уровень таланту. Выражено и выпукло выдвинуто на первый план – нечаянность убийства!.. И как написано, боже, как написано!.. в картине есть страшное, шумно выраженное отцовское горе, и его громкий крик, а в руках у него сын, сын, которого он убил, а он. вот уже не может повелевать зрачком, тяжело дышит, чувствуя горе отца, его ужас, крик и плач, он, как ребенок, хочет ему улыбнуться: „Ничего, дескать, папа, не бойся!” Ах, боже мой!» Картину реставрировали, но, если постараться встать сбоку так, чтобы свет падал под определенным углом, можно увидеть еле заметные слезы трех порезов. Любопытно, что в этом здании проводились художественные выставки: так, в 1908 г. здесь состоялась выставка Союза русских художников и посмертная экспозиция картин С.А. Коровина. В советское время тут находились полномочное представительство Литвы, общежитие Наркоминдела, гостиница «Европейская» и в последнее время – «Автоэкспорт». По плану реконструкции Музея изобразительных искусств за этим зданием будет построено фондохранилище площадью 14 тысяч квадратных метров.

До 1960 г. к торцу здания примыкал двухэтажный флигель усадьбы Голицыных, главное здание которой находится в Малом Знаменском переулке. Эта усадьба (№ 1/14) в XVII в. принадлежала боярину Борису Гавриловичу Юшкову, в 1738 г. ею владел генерал-адмирал князь М.М. Голицын. На плане усадьбы, снятом в 1759 г., обозначены каменные палаты на месте современного дома. Они перестраивались в 1761 г. Авторство этого дворца до недавнего времени приписывалось двум архитекторам: С.И. Чевакинскому и И.П. Жеребцову, однако новыми исследованиями было установлено, что проект переделки был выполнен одним С.И. Чевакинским, выдающимся архитектором, автором таких известных сооружений в стиле барокко в Петербурге, как Никольский морской собор и

дворцы Шереметева и Шувалова. Естественно, ему, архитектору Адмиралтейств-коллегии, и приказал построить свой московский дворец президент коллегии князь Голицын. Жеребцов же участвовал лишь во внутренней отделке голицынского дворца, которая закончилась к 1766 г. К тому же времени относятся и прекрасной работы парадные ворота с ажурным вензелем – «PMG», что означает Prince Michail Golitzin, князя Михаила Голицына.

В 1774 г., во время празднования победы над Турцией, голицынский особняк был приспособлен для пребывания в нем Екатерины II и ее двора, так же как и соседние дома Долгорукова (Волхонка, 16) и Лопухина (Малый Знаменский, 3), а между ними, на том месте, которое сейчас занято бензоколонкой для правительственных автомобилей, построили по проекту М.Ф. Казакова обширный деревянный дворец с большим – площадью около 775 квадратных метров – двухсветным тронным залом. Писатель и ученый А.Т. Болотов вспоминал, что, «несмотря на всю стужу и зимнее тогдашнее время, производилось строение сие с великим поспешением, и тысячи рук занимались оным денно и ночью». Церковь при дворце освятили 16 декабря 1774 г. во имя св. Андрея Печерского, а 31 декабря 1774 г. (очевидно, был дан приказ закончить обязательно в этом году, прямо как в «благословенные» советские времена) начальник Кремлевской экспедиции М.М. Измайлов рапортовал об окончании строительства. Английский путешественник Уильям Кокс, побывавший в то время в Москве, отмечал, что «здание, сооруженное с быстротой молнии, оказалось столь красиво и удобно, что материал, из которого оно сооружено, был употреблен впоследствии на постройку императорского загородного дворца, стоящего на небольшой возвышенности в окрестностях города», – речь идет о дворце на Воробьевых горах. Однако Екатерина осталась недовольна казаковской постройкой – она писала барону Гримму: «Вы желаете иметь план дома, где я живу. Я вам его пришлю, но опознаться в этом лабиринте премудренная задача: прошло часа два, прежде чем я узнала дорогу

к себе в кабинет, беспрестанно попадая не в ту дверь. Выходных дверей многое множество, я в жизнь мою столько не видала их. С полдюжины заделано по моему указанию, и все-таки их вдвое больше, чем нужно».

В начале XIX в. дом принадлежал князю С.М. Голицыну, в домово́й церкви которого, освященной во имя Рождества Христова и помещавшейся в северной части здания, предполагал венчаться А.С. Пушкин. Но митрополит Филарет предписал устроить обряд венчания в приходской церкви невесты у Никитских ворот, чтобы не лишать заработка тамошних причт. Эта церковь, как и все домовые храмы, была закрыта при большевиках, но еще долгое время там сохранялся красивый иконостас. В 1925 г. член президиума Коммунистической академии В.П. Милютин настоятельно требовал убрать из помещения церкви иконостас, так как она была, как он сообщал, «...занята гистологическим отделом Института мозга, а поэтому иконостас крайне препятствует работе». С.М. Голицын в 1834 г. был назначен председателем следственной комиссии по делу «о лицах, певших пасквильные песни», как называлось сфабрикованное полицией дело, по которому были арестованы и приговорены к различным наказаниям Александр Герцен, Николай Огарев и их товарищи. Приговор осужденным был объявлен в этом доме 31 марта 1835 г. «Торжественный, дивный день, – писал Герцен. – Кто не испытывал этого, тот никогда не поймет. Там соединили 20 человек, которые должны прямо оттуда быть разбросаны, одни по казематам крепостей, другие по дальним городам». Дом князя был поставлен на широкую ногу, его обслуживало небывалое даже тогда количество дворовых, которыми заведовал некий персианин, которого все знали под именем Михаила Сергеевича, щеголявший «...по стогнам белокаменной, несмотря на трескучие морозы, в белых коленкоровых невыразимых и высокой барашковой шапке». После смерти князя все его состояние перешло к племяннику М.А. Голицыну, любителю искусств, библиофилу и коллекционеру. Он, будучи много лет на различных

дипломатических постах за границей, собрал большую коллекцию книг, картин и различных редкостей – фарфора, бронзы, ювелирных изделий. После кончины собирателя эти коллекции составили так называемый Голицынский музей, открытый в январе 1865 г. В нем экспонировались картины известных европейских художников итальянской, французской, голландской школ: Чимы да Конельяно, Караваджо, Веронезе, Тициана, Каналетто, Рубенса, Пуссена и многих других. В собрании редкостей находились ценные предметы античной культуры – мраморные бюсты, вазы, бронзы, резные камни, фигурки животных, произведения ювелирного искусства, мебель, средневековая скульптура Европы и стран Востока. В библиотеке музея насчитывалось 12 тысяч томов, среди которых были инкунабулы и редкие образцы типографского искусства. Музей действовал около 20 лет и был популярен в Москве. В 1869 г. в нем проводились заседания первого в России археологического съезда. Однако со временем сын собирателя, князь С.М. Голицын, охладел к музею – он больше интересовался скачками. По воспоминаниям П.И. Щукина, хранитель коллекций музея К.М. Гюнцбург так отзывался о нем: «Unsere Furst ist keit Bucherfreund, sondern ein Pferdefreund» («Наш князь друг лошадей, а не книг»). В 1886 г. музей был продан Эрмитажу и Публичной библиотеке за 800 тысяч рублей, а дом стал сдаваться различным учреждениям и жильцам. В 1888–1892 гг. в нем помещалось частное училище И.М. Хайновского; в 1894–1898 гг. во время перестройки дома на Большой Никитской тут находились классы Московской консерватории. Известный композитор Р.М. Глиэр вспоминал: «Консерватория тогда временно помещалась в здании против Храма Спасителя, и мои первые воспоминания связаны с этим живописным местом, откуда виден был и Кремль, и Москва-река. Много маленьких переулочков было расположено вокруг тогдашней консерватории: и ученики ее селились поближе, чтобы не терять времени на ходьбу. Здесь, на Волхонке, я держал вступительный экзамен». Вместе с консерваторией в голицынском особняке находилось и Русское

хоровое общество, концерты которого проходили в зале главного дома. В 1903 г. усадьба поменяла владельца – ее приобрело Московское художественное общество, при котором состояло и знаменитое училище живописи, ваяния и зодчества. Общество стало сдавать помещения здесь различным учреждениям – торговой школе, женской гимназии Л.Н. Громогласовой, университету имени Л.А. Шанявского (его физической лаборатории, а также лабораториям экспериментальной биологии и физической), Высшим женским сельскохозяйственным курсам и др. В советское время дом занимали Голицынские сельскохозяйственные курсы, после них – Лесной институт и техникум, Институт мозга, редакции нескольких журналов, с 1925 г. – Коммунистическая академия. Именно для нее и надстроили в 1928–1929 гг. старинное здание, грубо исказив его пропорции. В 1936 г. Коммунистическая академия была упразднена, и в этом доме осталось несколько научных институтов, работавших в системе Академии наук, – институты истории, славяноведения, истории материальной культуры, экономики, мирового хозяйства и мировой политики, истории искусств и др. На здании помещены мемориальные доски в честь историка Б.Д. Грекова и экономиста К.В. Островитянова. В правом флигеле усадьбы находилась редакция Большой советской энциклопедии. Сейчас в этом здании институты философии, управления и человека. Восстановленный правый флигель усадьбы занимают отделы Музея изобразительных искусств. В 1882 г. Б.И. Чичерин нанял на первом этаже голицынского дома восьмикомнатную квартиру и прожил там шесть зим (на лето он уезжал в свое тамбовское имение Караул). В 1881 г. Чичерин был избран московским городским головой, но через два года за весьма туманный намек на возможность конституционных свобод в царской России был уволен по распоряжению самого Александра III. В этом доме Чичерин работал над такими крупными сочинениями, как «Собственность и государство» и «История политических учений». Также на первом этаже в квартире, окна которой выходили на юго-восток, провел последние годы жизни великий русский драматург

А.Н. Островский. Он переехал сюда 4 октября 1877 г. из Николоворобинского переулка, где не было, как он признавался, «покойного угла». Новая квартира в доме Голицына Островскому очень нравилась, и он беспокоился, чтобы успеть ее снять: «Так как смотритель дома говорил серьезно жене, что прежде, чем заключить условие, они соберут справки о нравственных качествах того лица, которому сдают квартиру, то можно сообщить ему некоторые из моих достоинств, не крупных (чтоб не поразить), например, что я не пьяница, не буян, не заведу азартной игры или танцкласса в квартире и прочее в этом роде». Вместо своего домика в Воробине Островский надеялся найти хорошую квартиру: «...если я увижу, что квартиру можно натопить до постоянной температуры +14° (по шкале Реомюра, что равно 17,5 °С. – *Авт.*), то я готов заключить контракт хоть на 10 лет. Отсутствие сырости и холода для меня самый важный вопрос – все остальное не стоит большого разговора». Квартиру сняли за 1000 рублей в год (что было довольно дешево для нее), и Островские прожили в ней 9 лет. Здесь у Островского бывали Л.Н. Толстой, П.И. Чайковский, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, многие актеры. В этом доме были написаны «Бесприданница», «Сердце не камень», «Таланты и поклонники» и другие пьесы – Островский работал много, на износ. В 1886 г. Островский был назначен начальником репертуара московских театров и должен был занять казенную квартиру. Пока она отделялась, он переехал в гостиницу «Дрезден» на Тверской (в современном доме № 6 на углу с Тверской площадью сохранились остатки старого здания). Отсюда он, уже больной, уехал в свое имение Щельково Костромской губернии, где умер 2 июня 1886 г. В том же 1886 г. голицынский дом покинули еще несколько квартирантов: умерли профессор Московского университета зоолог С.А. Усов и поэт, общественный деятель И.С. Аксаков. С.А. Усов вложил много труда в создание Московского зоосада, он был автором нескольких работ по зоологии, но не только: он серьезно интересовался историей и археологией – в частности, ему

принадлежит работа по истории московского Успенского собора. Один из основоположников движения славянофилов И.С. Аксаков пользовался большой известностью как защитник угнетенных славянских народов, был одним из руководителей Московского славянского комитета; издавал несколько газет, которые, как правило, закрывались царским правительством за независимые суждения и критику. И.С. Аксаков поселился в доме Голицына в сентябре 1885 г. и прожил всего около полугода – он скончался в своем кабинете за редактированием очередного номера газеты «Русь» 27 января 1886 г.: в некрологе в журнале «Русский архив» было сказано, что «...на Волхонке, в скромном помещении, окнами против храма Христа Спасителя, на 63-м году жизни, скончался сего 27 января 1886 г. Иван Сергеевич Аксаков». В домах, стоявших в бывшей голицынской усадьбе, в разное время жили многие известные деятели культуры: историк М.Н. Покровский, музыкальный критик Н.Д. Кашкин, актриса В.О. Массалитинова и многие другие.

Рядом с бывшей голицынской усадьбой находится одно из самых старинных зданий (№ 3) в этих местах. Его фасад украшен портиком с шестью широко поставленными колоннами коринфского ордера, в тимпане фронтона – герб графов Протасовых. На заднем фасаде здания – декоративные детали, относящиеся к XVII в.: оконные наличники, пояс поребрика, колонки, восстановленное по аналогам крыльцо. Справа от дома – дворовая служебная постройка, средняя часть которой относится к второй половине XVIII в. Сам же главный дом возведен на подвалах и первом этаже, которые могут относиться к 1689 г. Возможно, что усадьба была подарена Федору Авраамовичу Лопухину в связи с женитьбой Петра I на его дочери Евдокии. Тесть построил большие двухэтажные палаты, но в 1718 г. он их лишается: царь разводится с нелюбимой женой, расследуется дело царевича Алексея и все Лопухины попадают в немилость. В конфискованном дворе Абрама Лопухина находилось одно из отделений полотняной фабрики Ивана Тамеса, о которой иностранец, бывший в то время в Москве, писал в своем дневнике,

что он «никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет 150 ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни русские, и производят все, чего только можно требовать от полотняной фабрики». По словам того же иностранца, камер-юнкера Берхгольца, этот дом ранее служил жилищем для шведских генералов и офицеров Рейншильда, Пипера и др., тех самых, которых Петр I приветствовал после Полтавской битвы:

И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.

В 1728 г. усадьба по указу Петра II была возвращена наследникам Лопухина и принадлежала им до 1760-х гг. Газета «Московские ведомости» в декабре 1763 г. несколько раз помещала объявления о продаже «каменного дома Тайного Советника и Кавалера Федора Абрамовича Лопухина в приходе Николая чудотворца, что в Турыгине». Возможно, именно тогда дом был приобретен матерью екатерининского фаворита Григория Потемкина Дарьей Васильевной и позже перешел от нее по наследству к самому Потемкину. Во время пребывания Екатерины II в Москве в 1775 г. этот дом был соединен специально построенным переходом с Пречистенским дворцом. Г.А. Потемкин продал усадьбу в 1787 г. князю А.Я. Хилкову, и в самом конце XVIII в. ею стал владеть действительный тайный советник А.Я. Протасов (он был воспитателем императора Александра I и при его коронации получил графское достоинство – «во изъявление признательности Нашей к ревностным его трудам, при воспитании Нас понесенным»). В 1830-х гг. дом снимал генерал-майор Д.Н. Бологовский, причастный к убийству Павла I (говорят, что именно его шарфом был задушен император), участник сражений

при Бородине и Лейпциге. Он был давним знакомым отца и дяди А.С. Пушкина, и сам поэт также знал его. Не исключено, что поэт бывал здесь. В середине XIX столетия дом уже принадлежал А.Н. Бахметеву, встречи с которым отмечены в записных книжках Н.В. Гоголя, и возможно, что писатель посещал этот дом. Хозяин его, крупный чиновник Московской дворцовой конторы, был близок к кругам славянофилов – при его участии был создан Славянский благотворительный комитет. В 1919 г. тут помещался военный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии. Теперь в зданиях на этом участке находится Международный центр Рерихов с музеем, где хранится большая коллекция гималайских этюдов Н.К. Рериха. Целью этого центра является изучение и популяризация трудов семьи Рерих – его жены и помощницы Елены, сыновей Юрия и Святослава. Н.К. Рерих – автор многих значительных картин в историческом жанре, принесших ему славу живописца еще в конце XIX – начале XX в. В дальнейшем он увлекся философией и культурой Востока, пропагандировал философию «космической реальности», увлекался мистикой, столоверчением, общением с умершими и прочими странными занятиями, а также лелеял мысль о... слиянии буддизма и коммунизма, а появление Ленина предлагал принять «как знак чуткости Космоса»(!). Неудивительно, что и до сих пор циркулируют слухи о вербовке Рериха чекистами, о том, что он являлся агентом Коминтерна и помогал подрывной деятельности советских шпионов в Азии.

Перед зданием с правой стороны усадьбы 9 октября 1999 г. поставлен памятник Н.К. и Е.И. Рерихам работы скульпторов А. и И. Бургановых и архитектора Е. Розанова. Между двумя фигурами памятника изображен так называемый символ мира, почему-то представляющий, по словам Рериха, «три соединенные амарантовые сферы как символ Вечности и Единения» (амарант – средство против запора и прочих болезней кишечного тракта. – *Авт.*). Рядом установлены памятники сыновьям – Юрию и Святославу Рерихам. Позади главного здания усадьбы удивительно не к месту – перед

восстановленным древнерусским фасадом – находится так называемая ступа, буддийский символ «Просветления Усмиряющей Демонов».

Резкий изгиб переулка занимает еще одна старинная усадьба (№ 5), в XVIII в. принадлежавшая Голицыным. Ее главный дом – памятник архитектуры первой половины XVIII в. В 1790 г. всю обширную усадьбу приобрел князь А.И. Вяземский, отец поэта, одного из самых близких друзей Пушкина, его литературного соратника и единомышленника Петра Андреевича Вяземского, который родился в этом доме 12 июля 1792 г. «По тогдашним понятиям и размерам, – вспоминал он, – дом был довольно большой, с очень большим двором и садом». Здесь часто бывали московские писатели, многих привлекала личность владельца, человека умного и образованного. По словам сына, «как известно, родительский дом был одним из гостеприимнейших. Гости его принадлежали более или менее к разряду людей образованных и *разговорчивых*, в смысле и значении разговора дельного, просвещенного и приятного».

«Родительский дом, – вспоминал он же, – не отличался ни внешней пышностью, ни лакомыми пиршествами. князь Лобанов говорил мне долго по кончине отца моего: „Уж, конечно, не роскошью зазывал он всю Москву, должно признаться, что кормил он нас за ужином довольно плохо, а когда хотел похвастаться искусством повара своего, то бывало еще хуже”».

В этом доме много лет жил Н.М. Карамзин, женатый на сестре П.А. Вяземского. Усадьба, доставшаяся Вяземскому, принадлежала ему до 1810 г., когда была продана А.Т. Тутолмину. Позднее ее владельцами были князья Долгорукие. В начале июля 1905 г. в особняке собрался съезд земских и городских деятелей – в Петербурге уже были уверены, что съезд провозгласит себя учредительным собранием и создаст временное правительство. В начале заседаний появилась полиция, составила протокол и предложила разойтись, но делегаты решительно отказались, полиция удалилась, и съезд благополучно

закончился без особых последствий для властей. В 1896–1898 гг. на первом этаже дома снимал квартиру знаменитый русский художник В.А. Серов. Его дочь вспоминала: «При доме был огромный двор и большой чудесный сад. Там, где теперь Музей изящных искусств имени Пушкина, находился плац, на котором проезжали верховых лошадей, и мы детьми залезали на деревья и часами наблюдали это зрелище». В советское время, по свидетельству писателя Л.В. Никулина, здесь разместилось «учреждение под звучным названием УЛИСО – Управление личного состава флота. Две сводчатые комнаты нижнего этажа занимала семья Ларисы Рейснер». Писательница Л.М. Рейснер в те времена работала в этом учреждении. В 1933–1936 гг. в доме находился Музей К. Маркса и Ф. Энгельса, и Малый Знаменский переулок, как и продолжающий его Ваганьковский, стал называться улицей Маркса и Энгельса. В 1962 г. музей основателей научного коммунизма был здесь открыт вторично, но после распада Советского Союза его упразднили, и потом здесь поместилось Дворянское собрание, под еще видными в тимпане фронтона барельефами «основателей» и серпами с молотами. Ныне здания усадьбы ждут основательной реставрации в связи с расширением Музея изобразительных искусств.

За домами под одним № 7 на углу с Колымажным переулком скрывается во дворе очень интересное здание, которое построено, вероятно, в середине XVIII в. на более старой основе. Тогда оно принадлежало гофинтенданту Петру Ивановичу Машкову, наследники которого продали его в 1782 г. князю Степану Борисовичу Куракину, а он в 1788 г. – полковнику Якову Дмитриевичу Ланскому. Имя автора этого незаурядного памятника неизвестно, однако И.Э. Грабарь на основе стилистического анализа приписывал его руке знаменитого В.И. Баженова. Здание почему-то считается построенным для книжных складов Н.И. Новикова, но документально это не подтверждается. Оно сохранилось и до недавнего времени было полуразвалившимся, удерживаемым лишь громадными железными обручами и огороженным глухим высоким

забором. Много лет велись разговоры на самых различных уровнях о его восстановлении, но все кончилось тем, что вместо него построили новодел.

В начале XIX в. дом приобрела казна, и он стал называться «шталмейстерским», в нем были поселены чиновники конюшенного дворцового ведомства. В доме жила семья князя Б.А. Святополк-Четвертинского, в чине обер-шталмейстера долгое время управлявшего Московским конюшенным двором. Жена его Надежда Федоровна была из семьи князей Гагариных, откуда происходила и ее сестра, добрый друг семьи Пушкиных – Вера Федоровна Вяземская. Его дочь Надежда, сохранившая до преклонных лет (она родилась в 1812 г., а умерла в 1909 г.) ясную память, вспоминала, как она танцевала на балах в отцовском доме с Александром Сергеевичем Пушкиным. В 1865 г. весь участок был пожалован Александром II княгине Н.Ф. Святополк-Четвертинской, и с тех пор дом стал просто жилым. В 1870-х гг. здесь жил антрополог, этнограф и географ академик Д.Н. Анучин. Позднее началась застройка свободной территории. В 1899–1900 гг. на углу с Колымажным переулком выросло четырехэтажное здание по проекту П.М. Самарина – в нем в 1902 г. жила старшая дочь Пушкина М.А. Гартунг. В 1901 г. появилось трехэтажное здание (архитектор К.Ф. Буров) реального и коммерческого училища К.К. Мазинга (открыто 14 января), известного деятеля на поприще технического образования, а в 1912 г. – шестиэтажное жилое здание между ними (архитектор Г.Ф. Ярцев). Карл Карлович Мазинг (1849–1926), инициатор технического и экономического просвещения, отдал много сил народному просвещению, созданию школ для рабочих, в том числе знаменитых Пречистенских рабочих курсов. Были известны его учебники по математике, он возглавлял московское отделение Русского технического общества. В 1877 г. Мазинг основал частное реальное училище, в котором основное внимание уделялось преподаванию «реальных» предметов: математики, физики, химии, прикладных дисциплин; оно приобрело широкую известность. Дом

Мазинга был известен в Москве как музыкальный и литературный салон, в котором бывали Л.В. Собинов, писатель В.А. Гиляровский, ученые и врачи Н.Н. Бурденко, Д.Н. Зернов, И.М. Сеченов, Г.Н. Сперанский. В училище Мазинга во время 1905 г. неоднократно проходили массовые собрания участников революционных событий, а в период Декабрьского восстания студенты-медики устроили перевязочный пункт. В советское время тут помещается средняя школа № 57 (одно время она называлась «опытной школой имени Л.Б. Каменева»), которая считается одной из лучших в городе; а жилые дома перешли к «жилтовариществу научных деятелей». Тут в 1920-х гг. жили известные ученые-теплотехники Н.Р. Брилинг (здесь он в 1922 г. был арестован, впоследствии работал в «шарашках» НКВД, разрабатывая дизельные двигатели) и Е.К. Мазинг, в 1920–1930-х гг. – специалист в области строительных конструкций В.М. Келдыш, в 1920–1930-х гг. – артист М.Ф. Астангов, художник Н.К. Купреянов. В 1992 г. Третьяковская галерея обратилась в Моссовет с просьбой способствовать созданию музея Купреянова, одного из классических мастеров отечественного искусства графики первой трети XX в., автора известного плаката «Граждане, храните памятники искусства». В его квартире находились архив, более 900 рисунков и акварелей, сотни гравировальных досок и много другого. Результат этого обращения можно увидеть сейчас – никакого музея, конечно, нет в элитной семиэтажке, выстроенной на месте разрушенного мемориального дома.

Церковь Антипия в Конюшенной

Крошечный, уже покосившийся и вросший в землю дом (№ 9), приютившийся рядом со школой, – образец рядовой застройки Москвы по типовым проектам после пожара 1812 г. Он принадлежал

причту Антипьевской церкви, которых со временем становится все меньше и меньше. Похоже, что и этот дом вскоре исчезнет. Левая сторона заканчивается зданиями академической Библиотеки по естественным наукам. В начале XVII в. здесь были два владения, которые занимали весь квартал по Знаменке от Малого Знаменского переулка до церкви Знамения. Одно принадлежало капитану князю И.М. Оболенскому, второе – поручику И.М. Измайлову, к 1776 г. оба оказались в руках секунд-майора Новотроицкого кирасирского полка князя Сергея Николаевича Голицына. Его сын камер-юнкер Николай Сергеевич в 1836 г. отделил большую часть участка по Знаменке почти до церкви (современные № 11 и 13), а угловое владение в XIX в. переходило из рук в руки, пока купец Иван Евдокимович Пономарев не построил тут особняк по проекту архитектора К.Ф. Бурова (отца известного советского архитектора) в 1899–1900 гг. После того как весь участок перешел к текстильному фабриканту Г.М. Арафелову, он заказал перестроить для себя старое здание по переулку (1913 г., архитектор А.Г. Измиров). Герб нувориша в подражание старинным дворянским красуется на фронте этого здания. В 1920-х гг. дом занимали секции Коммунистической академии (основное ее помещение в Большом Знаменском переулке, 1), а также общество статистиков-марксистов. Торец одной из служебных построек во дворе этой усадьбы, обращенный к Знаменке, имел оригинальное оформление – в обрамлении колонн помещена львиная маска, перед ним небольшой бассейн, а поверху надпись: «ARCHITECTVR». Причина появления этого оригинального сооружения так и осталась невыясненной, делались различные и необоснованные предположения о времени постройки, и о причине ее, и об авторе, но уже в 2000 г. дикари из соседней типографии уничтожили этот оригинальный павильон.

На четной стороне переулка высится самое большое его здание (№ 8), построенное в 1913 г. архитектором В.Е. Дубовским для купцов Николая и Петра Стуловых, солидное, добротное (одна из самых значительных работ архитектора), любопытное отделкой

вестибюля, выполненной художником И.И. Нивинским. В потолочных нишах и на стенах – росписи, справа и слева от входа – фигуры атлантов, над дверями квартир – небольшие барельефы. В 1919–1920 гг. здесь находилось московское отделение издательства «Всемирная литература», возглавлявшееся В.Ф. Ходасевичем. В 1920-х гг. здесь жили знаменитая участница народовольческого движения В.Н. Фигнер, историк С.К. Богоявленский, литературоведы Н.К. Гудзий и В.М. Фриче. Дом теперь предполагается переоборудовать по проекту устройства «Музейного городка» для выставок и для отеля. В первой половине XIX в. здесь находился дом, принадлежавший архитектору И.Т. Таманскому, активно работавшему над восстановлением Москвы после наполеоновского нашествия, здесь также жили певец А.О. Бантышев, строитель московского водопровода инженер А.И. Дельвиг, медик А.Д. Булыгинский.

В небольшом домике (№ 10), выстроенном в 1840 г., в 1919–1921 гг. квартировал Л.В. Собинов.

Строение на самом углу с улицей Знаменкой (№ 12/9) находится на территории большой усадьбы князя Бориса Прозоровского (возможно, что ранее она принадлежала Шуйским).

Борис Прозоровский чудом остался жив, когда Степан Разин захватил Астрахань, где его отец был воеводой. Отца убили, а сына подвесили за ноги, после чего он на всю жизнь остался хромым. Находясь на казенной службе, он заведовал Оружейной палатой. Все свое имущество он завещал в полное распоряжение Екатерины I, прося сохранить только некую часть на помин души и на обеспечение его вдовы. Дом Прозоровского использовался как посольский: в 1722 г. там останавливался турецкий посланник, а в 1744 г. Сенат рассматривал вопрос об отпуске денег на «разные в том доме уборы и другие потребности для английского посла лорда Тираулии». В 1727 г. дом был передан Верховным тайным советом, правившим страной в царствование молодого императора Петра II, графу Павлу Ягужинскому. Бывший денщик царя Петра Великого,

сын бедного органиста, он славился тонким умом, начитанностью и даром слова, пользовался доверием царя Петра, назначившего его генерал-прокурором Сената – «сей чин, яко око наше и стряпчий о делах государственных должен во всем верно поступать». После П.И. Ягужинского, умершего в 1736 г., этот участок перешел к его сыну Сергею, по отзывам современников беспутному расточителю, промотавшему отцово состояние на развлечения, игры, театры. «В ряду театров вельмож Екатерининского времени, – рассказывал историк М.И. Пыляев, – отличался своей царской роскошью при постановке пьес театр графа С.П. Ягужинского, у него в числе крепостных актеров был Михаил Матинский, личность крайне талантливая, с глубокими познаниями в науках; он, помимо таланта актера, обладал качествами музыканта и композитора. Опера его „Санкт-Петербургский гостиный двор” долго не сходила со сцены». С.П. Ягужинский разорился и впал в нужду (в «Московских ведомостях» в 1767 г. объявлялось о сдаче внаем и дома на углу Знаменки, и его загородной усадьбы за Калужскими воротами); с его смертью в 1806 г. род Ягужинских пресекся. После пожара 1812 г. «пустопорожняя земля» была куплена соседним владельцем купцом М.П. Головкиным, а от него перешла к гвардии прапорщику В.М. Коноплину, для которого в 1828 г., возможно, по проекту архитектора Е.Д. Тюриня (сын этого Коноплина служил советником в Комиссии для строений в Москве, где также служил и Тюрин) было построено трехэтажное здание по красной линии Знаменки. В этой городской усадьбе находились меблированные комнаты Е.П. Ивановой, родственницы Ф.М. Достоевского, который, желая поддержать ее, почти всегда останавливался здесь в свои приезды из Петербурга. В 1899 г. здание надстроили четвертым этажом. В связи с мемориальной ценностью здания его поставили на госохрану и вскоре же снесли...

Два Знаменских переулка, параллельные друг другу, пересекают под прямым углом **Колымажный переулок**, идущий от Волхонки до Гоголевского бульвара. В XVII в. часть переулка, ближайшая к

бульвару, называлась Лукинским – по церкви св. евангелиста Луки, находившейся примерно на месте здания Министерства обороны, а другая часть переулка, ближе к Волхонке, называлась, по мнению авторитетного историка XIX в. А.А. Мартынова, Колымажным – по Колымажному двору, где сейчас музей. Весь же переулок до 1962 г. носил название Антипьевского (по церкви), а в 1962–1992 гг. его назвали улицей Маршала Шапошникова, военного теоретика и практика, долгие годы бывшего начальником Генерального штаба Советской армии. В 1992 г. в процессе восстановления нашей истории улица опять стала привычным переулком, но теперь ему дано старинное имя – Колымажный. Церковь, здание которой стоит на углу с Малым Знаменским переулком, освящена в память священномученика Антипия, епископа Пергамского, который славился исцелениями (особенно он был популярен среди страдающих зубной болью). Время построения этой церкви неизвестно, но, вероятно, она появилась здесь после «великого пожара» 1547 г., когда сюда перевели великокняжеские конюшни, ранее находившиеся в Кремле. Церковь называлась «что у государевых больших конюшен», «на Ленивом торжку у старых конюшен» или «что в Чертолье». Церковь была исследована и отреставрирована архитектором Л.А. Давидом, который обнаружил в ее составе уникальное сооружение, о котором ранее ничего не было известно. Центральное ядро церковного строения, как оказалось, составляет здание с двумя, что было чрезвычайно редко, апсидами. С южной стороны находился Никольский придел, впервые пристроенный в XVII в. вместо галереи, опоясывавшей церковь, и замененный ныне существующим в 1739–1741 гг. по прошению князя С.А. Голицына (он в 1755 г. был московским губернатором). С северной стороны – придел св. Иоанна Предтечи, который, как и трапезная с колокольней, был выстроен в 1798 г. Две апсиды первоначального объема церкви хорошо видны со двора – большая апсида отмечает главный Антипьевский престол, а меньшая – придельный св. Григория Декаполита. Посвящение придела этому

святому, может быть, обязано тому, что храмоздателем мог быть Григорий Яковлевич Плещеев-Бельский, более известный как Малюта Скуратов, опричник Ивана Грозного. Известно, что в Антиповской церкви в 1628 г. патриарх совершал отпевание его родственника (правнука его брата) Дмитрия Скуратова, возможно имевшего усадьбу рядом с церковью. По книге 1657 г. возле церкви находился двор «Петра Дмитриева сына Скуратова». Храм св. Антипия закрыли в 1929 г. – в августе этого года газета «Вечерняя Москва» сообщала, что церковь «будет предоставлена Неофилологической библиотеке». До последнего времени помещение храма было занято Музеем изобразительных искусств. Церковный участок полукольцом охватывает территория бывшей усадьбы Милославских XVIII в. (№ 6). Ее главный дом не сохранился, и примерно на его месте находится деревянный ампирный особняк, построенный после пожара 1812 г. действительным статским советником П.И. Глебовым, знакомым семьи Пушкиных, крестным отцом их третьего сына – Льва, родившегося 9 апреля 1805 г. Позади дома Глебова осталось хозяйственное строение, возможно, еще XVIII в., другое же строение, справа, появилось в 1820 г. В 1914 г. около старого здания сделана двухэтажная пристройка с левой стороны (архитектор Н.С. Шуцман). К этому времени относится и ограда с изящными, в стиле модерн столбами, увенчанными вазами. В усадьбе в конце 1830-х – начале 1840-х гг. жил профессор Московского университета, врач, один из основателей учения о ревматизме Г.И. Сокольский.

Маршал Борис Михайлович Шапошников

В 1989 г. здесь при раскопках под руководством известного археолога А.Г. Векслера были обнаружены остатки деревянных сооружений, сгоревших в грандиозный пожар 1737 г. Пожар этот начался от свечки, забытой у иконы в доме князя Милославского (отсюда появилось в русском языке выражение «Москва от копеечной свечки сгорела», означающее, что и большое, и важное может разрушиться от незначительной причины). Наряду со многими важными археологическими свидетелями прошлого буквально прямо под травяным дерном нашли заржавевший револьвер, серебряный портсигар с мелочью и записку, где были указаны денежные суммы, хранимые или переводимые на счет в английском банке. Возможно, что кто-либо из владельцев или жильцов дома наспех спрятали эти вещи в дни большевистского переворота, надеясь вернуться сюда когда-нибудь. До советского времени домом владел Н.И. Пастухов, против имени которого в справочнике «Вся

Москва» было написано: «Гор. Ярославль. Железо, сталь». Теперь в отреставрированных особняках «Мусейон» – центр эстетического воспитания детей и юношества Музея изобразительных искусств.

Прекрасный образец московского ампира – дом № 4. Изящные приставные колонки с ионическими капителями поддерживают крутой аттик-мезонин с большим полукруглым окном. Центр здания отмечен балконом с легкой, грациозной решеткой и кронштейнами, восстановленными при реставрации дома в 1960-х гг. В этом доме находились отделы Музея изобразительных искусств, и там работала замечательный человек, знаток музейной истории Александра Андреевна Демская. Когда я бывал у нее, мы часто заводили разговор о необычных интерьерах дома и, в частности, о росписи парадной лестницы, с масонскими эмблемами и странными изображениями, похожими на человеческие фигурки в разных позах. Они имеют какое-то символическое, но пока не разгаданное значение. Этот дом построен на бывшей земле церкви Иоанна Предтечи, стоявшей до 1793 г. на углу с улицей Волхонкой. Церковь была упразднена, а участок перешел к частным владельцам. Одна из них, В.А. Глебова, жена владельца соседнего (№ 6) участка, в 1826 г. начала строить этот особняк, который к ноябрю того же года был готов, но только в последних числах августа 1827 г., по сообщению полиции, он был «приспособлен к житью и окны вставлены». Проект здания принадлежит архитектору Ф.М. Шестакову, автору такого выдающегося сооружения, как церковь Большого Вознесения у Никитских ворот. Красива композиция парадного фасада дома, очень сдержанного, но в то же время нарядного, с его отчетливо выделенным центром, где расположен вход. Долгое время его называли домом Верстовского и считали, что композитор жил здесь, но, как оказалось, он никогда не был связан с этим домом. С 1896 г. дом перешел к купеческой семье Бурышкиных, один из которых оставил любопытные воспоминания о купеческой Москве конца XIX – начала XX в., где писал, что дом «...не был удобен для жилья: парадные комнаты хороши, а жилые значительно хуже. В доме была

большая лестница. Ею будто бы вдохновился Грибоедов для четвертого акта „Горя от ума”. Как бы то ни было, но когда Художественный театр начал постановку „Горя от ума”: к нам в дом не раз приезжала из театра большая комиссия, сняла ряд фотографий и сделала зарисовки. Но надо сказать, что наш дом был не единственный, о котором сохранилась такая легенда, отовсюду Художественный театр что-то позаимствовал». Последний владелец – П.А. Бурьшкин – собрал, пользуясь помощью и советами И.Э. Грабаря, значительную коллекцию «всего, что касалось Москвы», и намеревался передать ее и весь дом городу для организации музея «Старая Москва». Сразу же после большевистского переворота в доме поместились украинский и немецкий отделы Народного комиссариата по делам национальностей, затем детская библиотека, областная библиотека МОНО, в 1932–1960 гг. его занимали жильцы, пока, наконец, в 1961 г. не передали Музею изобразительных искусств, и после реставрации тут поместились коллекции гравюр и рисунков и архив музея.

На противоположном конце Колымажного переулка, ближайшего к Гоголевскому бульвару, выделяется своими большими формами одно из многочисленных зданий Министерства обороны. Один из родоначальников помпезного советского стиля, архитектор Л.В. Руднев, получил заказ на новое строительство – Народного комиссариата военных и морских дел (Наркомвоенмора) у Арбатской площади (1934–1938 гг.). К счастью, была выстроена только небольшая часть предполагавшегося огромного комплекса с доминировавшей в нем преувеличенно огромной аркой, выходящей на Арбатскую площадь. К сожалению, далеко видна назойливо вылезая высокая башня этого строения, своим резко подчеркнутым срезом, так не подходящая московскому силуэту. Руднев был одним из самых востребованных советских архитекторов – ему давали заказы военные. Кроме Наркомвоенмора на Арбате, он проектировал здание Военной академии на Девичьем поле, устрашающий огромный

параллелепипед, прорезанный ровными рядами окон с тяжелыми обрамлениями. Он считается автором высотного здания Московского университета, но нигде не говорится, что Руднев скопировал проект другого архитектора – Бориса Иофана, который не согласился отодвинуть здание от кромки Воробьевых гор и был отстранен от работы над ним. Напротив военного здания – особняк, выстроенный представительницей славного рода Алексеевых (большая буква «А» изображена на торце здания) – Елизаветой Михайловной, матерью известного московского городского головы Николая Александровича Алексеева, убитого сумасшедшим в 1893 г. в здании Городской думы. Особняк был построен архитектором М.Н. Чичаговым в 1885–1886 гг. Тут после переезда советского правительства из Петрограда в Москву в 1918 г. обосновался один из департаментов Комиссариата земледелия.

Глава II

ВАГАНЬКОВО

Между Знаменкой и Воздвиженкой

Этот район города расположен между двумя крупными радиальными магистралями – древними дорогами. Одна направлялась к волоку около нынешнего города Волоколамска далее к Новгороду – теперь это Знаменка, а другая по Арбату к западным землям – Воздвиженка.

Сейчас здесь один из наименее изрезанных переулками участков центра города – всего два соединяют крупные улицы. В древности же их было значительно больше. Так, на Петровом плане историк Москвы П.В. Сытин насчитывает здесь целых 11 переулков.

Заселяется район с давних времен, что подтвердили археологические изыскания, и, несомненно, раньше первого письменного упоминания о Ваганькове в 1446 г. Под этим годом в летописи говорится о том, как «приде князь великий на Москву месяца ноября в 17 день и ста на дворе матере своея за городом (то есть вне кремлевских стен. – *Авт.*) на Ваганкове...», то есть в загородном дворе великой княгини Софьи Витовтовны, жены Василия I, активно участвовавшей в управлении Московским княжеством.

Василий, старший сын Дмитрия Донского, 13 лет был отдан отцом в качестве заложника за долг Золотой Орде. После двух лет плена ему удалось освободиться и убежать через Молдавию в Литву, где его помолвили с Софьей, дочерью литовского великого князя Витовта. Василий вернулся в Москву и стал великим князем в 1389 г., а через два года Софья Витовтовна прибыла в Москву и стала великой княгиней. После смерти Василия I в 1425 г. она стала играть большую роль в политике московского двора: ее сын Василий занял великокняжеский престол по завещанию отца, несогласно с

традиций, по которой престол должен переходить к младшему брату, к князю Юрию. Вспыхнули междукняжеские распри, еще более усилившиеся после того, как Софья Витовтовна обвинила сыновей Юрия – Василия Косого и Дмитрия Шемяку – в том, что они украли золотой пояс Дмитрия Донского, и прилюдно сорвала его с Василия Юрьевича. «Произошла ссора, – рассказывает Карамзин, – Косой и Шемяка, пылая гневом, бежали из дворца, клялись отомстить за свою обиду и немедленно, исполняя повеление отца, уехали из Москвы в Галич». Сцена эта изображена на картине художника П.П. Чистякова «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного» (в Русском музее).

Великая княгиня Софья Витовтовна

Последовала долгая борьба за власть, в ходе которой ослепили Василия Косого и князя Василия, получившего прозвание Темного. Софья Витовтовна участвовала в этих событиях: ее брали в плен,

сажали в тюрьму. Она руководила обороной Москвы от татарского нашествия царевича Мазовши. В продолжение 62 лет она была великой княгиней и в 1453 г. скончалась в инокинях и погребена в Воскресенском кремлевском монастыре.

Предполагают, что название Ваганьково произошло от слова «ваганить», которое Даль в своем словаре снабжает пометой «вологодское» и объясняет: «баловать, шалить, играть, шутить», так как здесь якобы находился «государев потешный двор», о котором нет никаких сведений. Но надо сказать о гуляньях, происходивших, правда, не в самом Ваганькове, а где-то «за ним» и существенно позднее. Гулянья эти принимали такой разгульный характер, что в 1627 г. царь Михаил Федорович указал «послать бирича кликать в Китае и в Белом каменном городе по торгам, и по большим улицам, и по крестцам, и по переулкам, и по малым торжкам, не по один день, чтоб вперед, за Старое Ваганково никакие люди не сходились на безлепицу николи; а будет учнут ослушаться и учнут на безлепицу ходить, и Государь указал тех людей имать и за ослушание бить кнутом по торгам... и о том память послана, чтоб на безлепицу за Ваганково с кабацким питьем не въезжали» (бирич – глашатай, вестник; безлепица – игры ряженных, забавы, танцы. – *Авт.*).

От случайных звуковых совпадений название связывают и с западноевропейскими «вагантами», странствующими церковниками – *clerici vagantes* – или музыкантами, переходившими из одного места на другое, из одной страны в другую и распевавшими под аккомпанемент свои песни. Несомненно, связь Ваганькова с немецкими или итальянскими музыкантами XI–XIV вв. даже и предполагать бессмысленно. Предлагается также объяснение названия от имени Ваган (уменьшительная форма Ваганька) – это могло быть, хотя тому и не находится подтверждений.

Церковь Благовещения в Старом Ваганькове

Было бы логичнее объяснить это название наименованием денежного налога за взвешивание товара, который назывался «ваганный». Дело в том, что поблизости от Ваганькова находился брод через Москву-реку, по которому проходила важная торговая дорога из Новгорода в приокские города. Вполне естественно ожидать появления заставы у самого брода под стенами крепости на Боровицком холме, где и собиралась «ваганная» пошлина, которую академический «Словарь русского языка» определяет как сбор за взвешивание товара; «вага» – «вес, тяжесть». Так, например, в Жалованной грамоте конца XV в. на право беспошлинной торговли было написано: «А коли с чем пошлют, с каким товаром или что купят себе, ино им с того товару не надобе мыт. ни весчее, ни померное, ни побережное, ни ваганное...» Место же, где происходило взвешивание, звалось «ваганец»; отсюда и наименование «Ваганьково».

Долгое время это место находилось во владении великих князей или их родственников – в 1472 г. дмитровский князь Юрий Васильевич, будучи бездетным, завещал Ваганьково брату, великому князю Ивану III: «А что мое место Ваганково да и двор на Ваганкове месте, чем мя благословила баба моя, великаа княгини, а то место и двор господину моему, князю великому, опрочь того места, что есмь того ж места Ваганкова дал великому Николе в дом на Песнош». Здесь говорится о Николаевском Пешношском монастыре у Дмитрова. Неудивительно, что приглашенный великим князем Василием III итальянский зодчий Алевиз построил в 1519 г. именно здесь, в Ваганькове, в числе пятнадцати каменных церквей церковь Благовещения.

С 1926 г. переулочек был частью улицы Маркса и Энгельса, которая включала в себя и его, и Малый Знаменский. В 1990 г. переулочек получил название **Староваганьковский**, сохранив, таким образом, преемственность с древним селом (номера домов остались еще от советской улицы, поэтому первые дома имеют № 13 слева и № 6 справа). В XVIII в. переулочек именовался Шуйским – по двору

знатных бояр, а также Благовещенским – по церкви Благовещения, что в Старом Ваганькове, которая находилась на месте дома № 21. Тут была и еще одна церковь: в августе 1531 г. великий князь Василий Иванович «постави церковь деревяную обетную» во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи «и зделаша ея единым днем; того же дни и священна бысть». На освящении присутствовали великая княгиня Елена и сын Иван. «Весь город собрался тогда, – повествует автор „Обозрения Москвы” А.Ф. Малиновский, – видеть церковь, единым днем созданную». Каменная Благовещенская церковь была разобрана по резолюции архиепископа Августина 9 сентября 1816 г., и материал от разборки был употреблен для постройки дома причта при Крестовоздвиженской церкви (Воздвиженка, 7).

В начале 1820-х гг. на месте Благовещенской церкви был построен небольшой двухэтажный дом (№ 21), который отмечен в московской истории как место, где провел последние годы жизни и умер великий русский художник Валентин Серов.

Утром 22 ноября 1911 г. художник, которому не исполнилось еще и 47 лет, почувствовал себя плохо и вскоре скончался – подвело сердце. «День был солнечный, – вспоминала его дочь, – необыкновенно яркий, из окон гостиной был виден архивный сад (там, где новое здание Российской государственной библиотеки, построенное на месте архива Министерства иностранных дел. – *Авт.*) с пирамидальными тополями, белыми от инея. На углу стоял, как всегда, извозчик, шли люди – взрослые, дети шли мимо дома, занятые своими делами и мыслями. Я смотрела в окно и не могла поверить случившемуся. Как, неужели так, так быстро и так просто может кончиться жизнь?» Целый день в доме не закрывалась парадная дверь, очень многими смерть знаменитого художника воспринималась как личное горе.

Валентин Александрович Серов

Крутоверхая крыша на доме № 23, как и наличники, решетки окон и другие детали убранства, – результат реставрации здания, одного из немногих сохранившихся в Москве памятников гражданского зодчества XVII в. С 1679 г. в нем размещались подворья Успенского девичьего монастыря, что в Александровской слободе, и Флорищевой пустыни, которые обычно сдавались внаем. В таком подходящем ему доме в 1890-х гг. жил замечательный историк Москвы Алексей Александрович Мартынов (1820–1903). Он участвовал в полемике по определению места рождения Пушкина,

написал серьезную книгу об именах московских улиц, которая до написанной недавно Я.З. Рачинским, была основной по топонимии Москвы, он же издал книги «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества», «Русские достопамятности», «Знаменский монастырь и палата бояр Романовых», «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города», «Подмосковная старина» и др. В энциклопедиях его путают с братом Николаем, который интересовался историей России и скончался в 1895 г.

Еще один памятник древней московской архитектуры расположен рядом, на территории бывшей усадьбы боярина Ивана Богдановича Милославского и стольника Петра Саввича Хитрово (№ 25). В 1676 г. по указу царя Федора Алексеевича был упразднен старый Аптекарский двор, а новый обосновался здесь, в Староваганьковском переулке. На новом Аптекарском дворе размещалось несколько палат, «погребов теплых» и прочих строений, где хранились в числе лекарств такие действенные средства, как «меды ставленные 20 ведер дорогого, 150 ведер расхожего, 750 ведер вина, водка ромайная с анисом, водка ис терновых костей, яблочная водка с бадьяном», и много чего другого.

Уже через три года здесь находился «Новый денежный двор». От каменных палат сохранился первый этаж, датируемый 1670 г. (там обычно устраиваются временные музейные выставки); второй же этаж, где помещается дирекция Музея архитектуры имени А.В. Щусева, был надстроен в 1930-х гг.

Дом № 19 появился на участке князя А.С. Трубецкого после пожара 1812 г., но, возможно, в нем сохранились и более древние части. Тут провел последние годы своей недолгой, но славной жизни один из талантливейших артистов русской сцены Павел Мочалов – он родился в 1800 г. и прожил неполных 48 лет. Будучи на гастролях в Воронеже, Мочалов простудился и возвратился в Москву тяжело больным. Помощь врачей, и в их числе известного Федора Ивановича Иноземцева, оказалась тщетной, и 16 марта 1847 г., как

сообщали московские газеты, «не стало артиста, который так долго был опорой и украшением московской сцены».

В доме № 19 в 1876 г. жил врач, основоположник гинекологии в России, основатель научной школы В.Ф. Снегирев. В 1910-х гг. тут была квартира писателя А.М. Пазухина, теперь малоизвестного, а тогда много печатавшегося в периодической прессе. Особенно часто его имя появлялось в газете «Московский листок», где за 30 лет его сотрудничества было напечатано более 60 романов и повестей (в том числе и о Москве), а также множество рассказов и фельетонов. В 1911–1914 гг. здесь жил зоолог профессор Московского университета М.А. Мензбир.

За чугунной ажурной решеткой – дом (№ 17), связанный с Москвой газетной. В 1882 г. его, старинный особняк князей Голицыных, купил Николай Иванович Пастухов, издатель газеты «Московский листок», первого в Москве бульварного периодического издания. В ней регулярно появлялись скандальные разоблачения купеческих походов, занимательные романы и фельетоны, и газета пользовалась широкой популярностью среди определенных кругов московского населения. О ней и ее издателе, известном московском журналисте Н.И. Пастухове, писал В.А. Гиляровский, сам начинавший работать репортером в этой газете: «Немного сейчас – в двадцатые годы XX века – людей, которые знают, что это за газета. А в восьмидесятые годы прошлого столетия „Московский листок” и в особенности его создатель – Николай Иванович Пастухов были известны не только грамотным москвичам, но даже многим и неграмотным; одни с любопытством, другие со страхом спрашивали:

– А что в „Листке” пропечатано?

Популярность „Московского листка” среди москвичей объяснялась не только характером и направленностью издания, но и личностью издателя, крепко державшего в руках всю газету».

Гиляровскому Пастухов «запомнился очень характерными для него как человека особенностями, которые делали его фигуру

необычайно колоритной для газетной Москвы того времени.

„Московский листок” – создание Н.И. Пастухова, который говорил о себе:

– Я сам себе предок!

Это – яркая, можно сказать, во многом неповторимая фигура своего времени: безграмотный редактор на фоне безграмотных читателей, понявших и любивших этого человека, умевшего говорить на их языке».

В этом же доме размещались редакции журналов «Вестник литературы», «Всемирная иллюстрация» и «Развлечение», а также в 1906–1912 гг. известного журнала «Русская мысль», который редактировался П.Б. Струве, экономистом, членом партии кадетов, написавшим «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии». В «Русской мысли» появлялись статьи крупных русских философов, ученых, либерально мыслящих публицистов. Но в 1910–1912 гг. в журнале заведовал литературно-критическим отделом В.Я. Брюсов, который предоставил его страницы не очень-то популярным писателям-символистам, и, в конце концов, Брюсову пришлось покинуть журнал из-за попытки напечатать свой рассказ, запрещенный за порнографию. В январе 1918 г. журнал, так же как и газета «Московский листок», были закрыты большевиками, и здесь обосновалась сначала редакция «Красной газеты», а потом газеты «Беднота». Эта ежедневная газета стала выпускаться новой властью в марте 1918 г., когда осуществлялись драконовские меры против русской прессы, не желавшей быть сервильной по отношению к ней. В этой газете была опубликована речь-предупреждение Ленина крестьянам, что к ним грядут отряды, отбирающие хлеб: «Продовольственные отряды ставят своей задачей только помочь собрать у кулаков излишки хлеба, а не производить (как пытаются наши враги заранее запугать этим деревню) в ней какой-то грабеж всех и вся...» Далее он пообещал, что за хлеб будут давать «мануфактуру, нитки и предметы домашнего и сельскохозяйственного обихода», но на деле это обернулось именно

грабежом, беззастенчивым разбоем и репрессиями. Газета «Беднота» издавалась до 1931 г.

В этот дом М.А. Булгаков поселил незадачливых служащих некоей конторы из романа «Мастер и Маргарита», которые после нашумевшего представления заезжих фокусников были охвачены загадочной эпидемией – все беспрерывно пели старинную русскую песню «Славное море, священный Байкал».

Застройка участка (№ 17) принадлежит ко второй половине XVIII в., когда в центре его появились каменные палаты и два небольших флигеля по красной линии переулка. Этот дом перестроен в 1876 г. архитектором М.А. Зыковым, который также надстроил флигели и соединил их с главным домом. Ансамбль зданий украшен чугунными балконами (в ажурную вязь ограды вплетены инициалы Н. Пастухова – «НП»), навесами крылец и решеткой ограды. В начале XIX в. этим участком владела княгиня Н.И. Голицына, мать декабриста, члена Северного общества В.М. Голицына, который жил здесь. В 1860-х гг. тут квартировал писатель А.А. Потехин, автор многих повестей, романов и пьес, составивших восемь томов его собрания сочинений, а в 1880-х гг. – главный дирижер Большого театра И.К. Альтани. При нем впервые в Москве были поставлены «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Алеко», «Снегурочка» – оперы, составившие эпоху в развитии русской музыки. В 1906–1908 гг. здесь была квартира артиста Художественного театра И.М. Москвина. Позади главного дома с 1895 г. работала типография «Московского листка», перешедшая в советское время к Наркомвоенмору и потом к институту Маркса – Энгельса – Ленина.

Дома № 15 и 13 стоят на земле бывшей усадьбы генерал-аншефа В.Я. Левашева (он впервые упоминается в документах в 1738 г.). По преданию, предок Левашевых Христофор-Карл Дол в XIV столетии выехал «из немец» в Псков, крестился с именем Василий и приехал в Тверь, став там боярином. Его потомок, тверской боярин Александр Викулович, был известен под прозвищем Леваш (то есть

левша), откуда и произошла эта фамилия. Василий Яковлевич Левашев – участник многих петровских батальонов, в Азовских походах и Северной войне, в войне с Турцией и Швецией и в особенности с Персией, где отличился при обороне крепости от превосходящей армии персов. За «многие свои службы» он был отмечен высшими российскими орденами: св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского. В чине генерал-аншефа он был назначен московским губернатором, которым пробыл с конца 1744 по 1751 г. Во время его губернаторства пришлось заниматься починкой стен Кремля, Китая и Белого города, которые «во многих местах обветшали и угрожают падением». Однако получить из казны необходимые около 200 тысяч рублей не удалось. Вместо них решили выдать 15 тысяч, но и их, как сообщила Штатс-контора, отпустить было «не из чего». Пришлось во многих местах Белого города начать разборку стен. Левашев показал себя не только боевым генералом и деятельным администратором, но и бескорыстным чиновником – за время управления персидскими провинциями он скопил несколько миллионов и, покидая Кавказ, отослал их в казну. Скончался Левашев в возрасте 84 лет в самый день Пасхи и был похоронен в соседнем Крестовоздвиженском монастыре. После него усадьбой владел сын генерал-поручик Иван Васильевич, а впоследствии его дочери Татьяна, Александра, Елисавета и Анастасия Ивановны.

При Левашеве левая часть этого владения, там, где ныне высится угловой дом с башенкой (№ 13/8, 1909 г., архитектор Ф.О. Шехтель), была занята садом, а в правой находились большие палаты. О них я узнал впервые из материалов Н.П. Чулкова еще 1930-х гг. в архиве Музея истории Москвы. В 1968 г. во двор дома № 15 по улице Маркса – Энгельса я увидел еще крепкое здание, почти все оштукатуренное. В некоторых местах, под осыпавшейся штукатуркой, были видны следы старинных наличников и других декоративных деталей, о которых и написал в журнале «Городское хозяйство Москвы».

К палатам во второй половине XVIII в. сделали пристройку справа, а в 1877 г. надстроили третий этаж. Эти палаты – ценный памятник гражданской архитектуры – постепенно и неуклонно погибают, доведенные уже до руин. Они несколько раз горели, крыши уже давно нет, разрушилась часть стен. До такого состояния их довел собственник здания – Российская государственная библиотека.

Высокое семиэтажное здание по линии переулка (№ 15) было построено в несколько приемов – в Москве немало таких «слоеных пирогов». Возможно, что в его правой части есть еще остатки каменных зданий, показанных на плане 1752 г. Они вошли в трехэтажный дом, построенный в 1877 г. (архитектор Н.И. Поздеев) и позднее надстроенный еще четырьмя этажами. Этот «пирог» хорошо виден со двора.

В 1850-х гг. здесь жил плодовитый писатель Б.М. Маркевич. Его имя было известно в России, романы читались везде, от императорского двора до обычных читателей. Популярность его вызывалась в немалой степени тем, что персонажи были списаны с известных тогда лиц. Маркевич во всем поддерживал реакционера Каткова, ожесточенно выступал против либералов, занимался доношением. И.С. Тургенев хлестко отозвался о его обвинениях: «И как подумаешь, из чьих уст исходят эти клеветы, эти обвинения?! Из уст человека, с молодых ногтей заслужившего репутацию виртуоза в деле низкопоклонства и „кувыркания“, сперва добровольного, а, наконец, даже невольного! Правда – ему ни терять, ни бояться нечего: его имя стало нарицательным именем, и он не из числа людей, которых дозвоительно потребовать к ответу».

Маркевич называл либеральных деятелей «мошенниками пера и разбойниками печати», но, правда, эта фраза почти сразу же стала применяться к самому автору. В конце XIX в. вышло собрание сочинений Маркевича в 11 томах, а сейчас о нем знают только знатоки истории литературы.

В квартире № 16 в 1925–1956 гг. в доме жил кинорежиссер, теоретик кино, педагог, воспитавший многих известных деятелей

кино, Л.В. Кулешов, о котором признанными деятелями кино было сказано: «Мы делаем картины – Кулешов сделал кинематографию». Наиболее известной его работой стал немой фильм «Необыкновенные приключения мистера Веста в стране большевиков». Здесь же жила его жена, актриса Александра Хохлова – дочь врача Сергея Боткина, внучка купца и мецената Павла Третьякова, племянница художника Бакста. Она была видным персонажем культурной жизни Москвы 1920-х, но, к сожалению, рано оставила кино – не могла работать ввиду своего происхождения. Официальная же версия звучала по-иному: дескать, Хохлова некрасивая и худая и ролей под нее нет. Версия, сильно притянутая за уши, так как тот же Эйзенштейн писал: «Хохлова может сделать жанр. Хохлова именно тот материал, „под” который можно делать свои картины».

Вся четная сторона Староваганьковского переулка занята Российской государственной библиотекой – одной из самых больших библиотек мира. Основные ее помещения расположены на Моховой, а в переулок выходит многоэтажное книжное хранилище, в котором находятся не только миллионы книг, брошюр и журналов, но также интереснейшие изобразительные материалы, и в том числе по истории Москвы.

При строительстве станции метро «Боровицкая» книгохранилище, само по себе огромное, да еще перегруженное десятками тысяч тонн печатных изданий, дало трещины. Общественность забила тревогу, устраивались независимые экспертизы, установившие непрочность Ваганьковского холма, и тогда существовали проекты закрыть библиотеку, книжные фонды перевезти в здание Манежа и приступить к ремонту.

Примерно на месте правой части книгохранилища было небольшое здание, в котором в 1903 г. находилась редакция журнала «Русская мысль», где печатался А.П. Чехов. Похоронная процессия с его телом остановилась у этого места, где была отслужена лития. Далее процессия вышла на Знаменку, повернула на

Волхонку, а оттуда проследовала по Пречистенке и Большой Царицынской к Новодевичьему кладбищу.

Рядом – бывшая усадьба П.Е. Пашкова, главный дом которой возвышается на холме напротив Кремля. В переулок выходят красивые въездные ворота усадьбы, оформленные в виде триумфальной арки, фланкированной двумя парами ионических колонн. Около арки – редкость в Москве – вкопанные глубоко в землю пушечные стволы (подробнее об истории дома Пашкова можно узнать в моей книге «Москва. Вокруг Кремля и Красной площади» (М., 2008). Рядом, во дворе, здание церкви святителя Николая, «что в Старом Ваганькове». История этой церкви начинается с XV в., когда дмитровский князь Юрий Васильевич, заботясь о Николаевском Пешношском монастыре в своем княжестве, подарил ему землю на Ваганьковском холме. Возможно, что монастырь выстроил на своем подворье Никольскую церковь, которая первоначально была деревянной, а в начале XVI в. – каменной. В 1630-х гг. в приходе этой церкви насчитывалось тридцать дворов. В конце XVII в. пристроили северный придел Сорока мучеников, простоявший до конца XVIII в., – его разобрали по настоянию богатого соседа П.Е. Пашкова.

После многих перестроек вместо обветшавшей было выстроено в 1759 г. существующее здание (возможно, с включением более старых частей) – вытянутый четверик с одной апсидой, с коротким восьмериком и барабаном маленькой главки и южным приделом преподобного Сергия. Звонница в псевдорусских формах значительно более поздняя – она возведена в 1902 г. по проекту архитектора Г.П. Евланова. В 1992 г. в церкви возобновились богослужения. На южной стене храма находится мозаичный портрет Николая II с несколько двусмысленной надписью: «Господи, спаси и умири Россию».

Западнее Староваганьковского параллельно ему проходит **Крестовоздвиженский переулок**, который с 1957 по 1992 г.

назывался улицей Янышева – большевика, бывшего председателем Московской ЧК.

Здесь по левой части переулка стали строить новое здание для размещения контор советских военных. Проект, конечно, был заказан главному московскому архитектору М.В. Посохину, поставившему в 1984 г. кошмарный бетонный монстр прямо на месте нескольких выдающихся архитектурных и исторических памятников, безжалостно снесенных, несмотря ни на какие протесты.

Погибли все дома по левой стороне, начиная от перекрестка с Крестовоздвиженским переулком и до Арбатской площади. Так, у Знаменки стоял двухэтажный дом, построенный в 1823 г. Этот дом был связан с памятью о А.С. Пушкине: здесь он в первый раз появился в обществе с Натальей Николаевной после свадьбы. Дом снимала Н.М. Щербинина (дочь знаменитой Екатерины Романовны Дашковой), и она давала 20 февраля 1831 г. бал. А.И. Кошелев писал В.Ф. Одоевскому на следующий день: «Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина. Он очень мне обрадовался. Свадьба его была 18-го, т. е. в прошедшую среду. Он познакомил меня с своей женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша». В этот же дом А.С. Пушкин послал письмо с поздравлением Павла Воиновича Нащокина с рождением дочери. Нащокин жил здесь в 1834 г.

Крестовоздвиженский переулок от Знаменки. 1913 г.

По всей левой стороне в XVII в. и в первой половине XVIII в. располагалась большая усадьба князя Романа Горчакова. Каменные палаты находились примерно посередине переулка в глубине двора, а по красной линии одно за другим шли здания, возведенные в XVIII в., в которых могли быть скрыты и еще более старые постройки.

Один из домов в глубине участка под № 7 (снесен в связи со строительством станции метро «Арбатская» в 1950 г.) был связан с именем П.И. Чайковского, жившего в нем с ноября 1875 по июль 1877 г. Здесь у Чайковского бывали многие известные композиторы и литераторы: М.А. Балакирев, Н.А. Римский-Корсаков, А.П. Бородин, А.Н. Плещеев и др. В том доме были написаны такие известные произведения Чайковского, как увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта» и Первый струнный квартет. Здесь же началась работа

над Четвертой симфонией и оперой «Евгений Онегин». В эту квартиру к П.И. Чайковскому несколько раз приезжал Л.Н. Толстой.

В другом доме (№ 5) в конце 1830-х гг. жил знаменитый трагик П.С. Мочалов.

В трехэтажном строении (№ 9) художник Н.П. Ульянов открыл школу живописи; по утрам он занимался там с учениками, остальное время мастерская предоставлялась скульптору А.С. Голубкиной. Здесь она создала свой известный барельеф «Пловец» (он назывался также «Волна» или «Море житейское»), заказанный Саввой Мамонтовым для перестраиваемого здания Художественного театра, – он помещен над правым входом в него.

Изящной угловой башенкой выходит на Воздвиженку (№ 9) главный дом усадьбы князей Волконских, известный в Москве как «дом Болконских» из «Войны и мира».

В середине XVIII в. участок принадлежал князьям Шаховским, в 1774 г. его купил генерал-поручик В.В. Грушецкий. Позже дом перешел к его дочери П.В. Муравьевой-Апостол, сыновья которой участвовали в движении декабристов. Она продала дом в 1816 г. генералу от инфантерии, деду Л.Н. Толстого, владельцу Ясной Поляны князю Николаю Сергеевичу Волконскому, выведенному в романе «Война и мир» в образе старого князя Болконского; он владел им в продолжение пяти лет, а в начале 1830-х гг. дом перешел к Рюминым, рязанским помещикам. По словам современника, сына писателя М.Н. Загоскина, их «роскошные обеды и танцевальные вечера по четвергам привлекали всегда многочисленное общество». Сын владельца дома, живя в Швейцарии, жертвовал большие суммы на образование, и в Цюрихе благодарные граждане назвали одну из улиц города Rue Rumine.

Л.Н. Толстому этот дом был хорошо знаком – он бывал здесь молодым на балах, где ухаживал за прелестной княжной Прасковьей Щербатовой. «Со скукой и сонливостью поехал к Рюминым, и вдруг окатило меня. П.Щ. Прелесть. Свежее этого не было давно». Княжна

вскоре вышла замуж за графа А.С. Уварова и стала одним из самых известных деятелей русской археологии.

В начале прошлого столетия дом купил нефтяной промышленник Шамси Асадулаев. Корпус по Крестовоздвиженскому переулку с башенкой на углу с улицей Воздвиженкой был построен в 1906 г. архитектором П.А. Заруцким.

Шамси Асадулаев родился в 1841 г. в Азербайджане в небогатой семье, начинал работать как «арбакеш», перевозил на арбе разные грузы, и в том числе нефть с промыслов Кокорева. Постепенно он расширял свое дело, нанимал рабочих, приобрел нефтяной участок и таким образом выбился в богачи. Он занимался благотворительностью, жертвовал крупные суммы на образование, строительство культурных учреждений, поддержку газет, помощь студентам. В Москве в Малом Татарском переулке он выстроил дом и подарил его мусульманской общине Москвы (см. главу XXVII).

Всезнающий московский репортер Владимир Гиляровский побывал в доме Асадулаева и рассказал о нем: «...бакинский нефтепромышленник Шамси-Асадулаев, который владел роскошно отделанным домом на Воздвиженке, где теперь помещается „Крестьянская газета“. Шамси – бывший простой носильщик в Бакинском порту – оказался владельцем участка, в котором забили нефтяные фонтаны, и в один год сделался миллионером. Потом переселился в Москву, женился на русской, некоей Марье Петровне, особе еще молодой, высокого роста, весьма дородной и знавшей, как пожить. Она одевала своего старого азиата в черный сюртук, в котором он молча и встречал гостей на непрерывных пирах в своем новом дворце. А в Баку у него осталась семья, взрослые красавцы сыновья и жена. Конечно, семья была против этой женитьбы и жаждала мщения. Постановили убить и жену, и самого Шамси».

Известный адвокат Ф.Н. Плевако, к которому обратился Асадулаев, не знал, что и делать, но только случайно встреченный Гиляровский, как он писал в рассказе «О репортерстве», просветил

знаменитого юриста, как ему надо поступать, и, таким образом, дело было благополучно решено.

В советское время особняк занимали множество различных учреждений: Народный комиссариат по морским делам, редакция «Крестьянской газеты», редакция «Истории Гражданской войны» и др. Теперь он принадлежит Министерству иностранных дел.

Правую сторону переулка начинает флигель усадьбы, главное здание которой расположено параллельно Знаменке. Возможно, что оно было построено в середине XVIII в. при графе Ф.А. Апраксине на основе более старых палат. По переписной книге 1738 г. здесь значится владение П.В. Курбатова (1672–1747), соратника Петра I, исполнявшего многочисленные и разнообразные его поручения, автора проекта введения гербовой бумаги, а также известного дипломата. В 1759 г. владелец этого участка граф Федор Алексеевич Апраксин просит у Московской полицмейстерской канцелярии разрешения достраивать два каменных дома, расположенные на его участке параллельно линии Знаменки. Все владение перешло по купчей от 22 июля 1761 г. к графу Роману Воронцову, известному мздоимцу, заслужившему от современников прозвище Роман – большой карман. Его дворец, видно, был необычным, если сам Баженов в «Слове на заложение Кремлевского дворца» сказал: «Прекрасны еще в Москве дома. на Знаменке Графа Воронцова».

При нем в пристроенном к дому деревянном театральном помещении давались представления труппы антрепренеров Бельмонти и Чинти, получивших привилегию на постановку «публичных Маскерадов, комедиев и опер комических». Им в 1769 г. сначала предоставили место «по способности между Покровскими и Месницкими воротами, где была стена Бела-го города и лесной ряд», но вскоре выяснилось, что это место «ниско и еще не осушено и за тем онаго Театра построить не можно. в рассуждении сего и чтоб актеры без платы, а общество без удовольствия не остались», им позволили выстроить театр в доме Воронцова. Театр построили там же, в воронцовском доме, как сообщалось в исповедной ведомости,

«жительство имеют оперного дому ахтеры», в том числе известные в истории русского театра Иван Полиграфов и Василий Померанцев.

Сохранилась «опись, учиненная всем пожиткам содержателя московского театра Ивана Иванова Бельмонтя», скончавшегося в 1772 г., которая была составлена им. В описи под номером первым стоит: «театр, построенный мною и на мои собственные денги по договору и контракту в доме, состоящем на Знаменке, генерал-аншефа, сенатора и разных орденов кавалера Романа Иларионовича Воронцова, весь деревянный: и в нем все строение лавки, логи и прочее всио деревянное же, а печи кирпичныя». Театр был небольшой – «три деревянные стены, прирубленные к каменной», которые составляли «непрочное строение онаго, без всякого порядка и украшения в внутри, без всякой удобности и важности, приличной публичному зданию с наружи». Театр, конечно, был маленьким и неудобным, и предполагалось построить новый, гораздо больший: «Контора Знаменского театра, стараясь всегда о удовольствии почтенной Публики, чрез сие объявляет, что ныне строится вновь для театра каменный дом на большой Петровской улице близ Кузнецкого мосту, который к открытию окончится конечно нынешнего 1789 года в декабре месяце. что ж касается до внутреннего расположения театра, то оно будет наилучшее в своем роде, как видеть можно на сей сырной неделе в маскарадных покоях, что на Знаменке, где точные планы онаго для Публики выставлены будут».

Только успели москвичи прочесть это объявление, как они узнали, что Знаменский театр сгорел: «в прошлую среду [то есть 26 февраля 1780 г.] в здешнем Знаменском оперном доме от неосторожности нижних служителей, живших в оном, пред окончанием театрального представления сделался пожар, который скорым своим распространением на всех бывших тогда в спектакле и маскараде хотя навел было немалый страх, однако ж. удержан он был и не допущен распространиться далее, так что не только близкие к театру соседние дома, но и самые флигели онаго остались целы». Его уже

не восстанавливали, так как почти был готов большой Петровский театр, открытый в том же году 30 декабря.

От Р.И. Воронцова, скончавшегося в 1783 г., дом перешел к его сыну Александру Романовичу, одному из самых известных государственных деятелей нескольких царствований – Екатерины, Павла и Александра, глубоко образованному и по-человечески симпатичному. Он начал службу в 15 лет в Измайловском полку, получил образование за границей, вернувшись в Россию, пошел по дипломатической стезе – поверенным в Вене, посланником в Гааге, полномочным министром в Лондоне, а потом он жил в Петербурге и занимал пост президента Коммерц-коллегии, но всегда находился в отдалении от двора Екатерины. Он старался облегчить участь своего подчиненного А.Н. Радищева, заключенного в крепость и потом сосланного в Сибирь. В 1802 г. император Александр назначил его государственным канцлером.

В 1801 г. Александр Романович продал усадьбу генерал-майору Александру Дмитриевичу Арсеньеву (1766–1819), московскому уездному предводителю дворянства, который владел ею недолго. Уже в 1809 г. усадьбу приобрела графиня Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина. Есть сведения о том, что дом пострадал от пожара при нашествии Наполеона. В «Московских ведомостях» в августе 1813 г. было опубликовано такое объявление: «Продается Графини Прасковьи Васильевны Мусиной-Пушкиной большой погорелой каменный дом, состоящий здесь в Москве, на Знаменке, нижний этаж весь со сводами». Следующий владелец, статский советник Н.П. Римский-Корсаков, брат Е.П. Янковой, известной по «Рассказам бабушки», приобрел дом 12 января 1816 г. и существенно перестроил его к 1818 г., когда он приобрел яркие черты классического дворца с представительным восьмиколонным портиком ионического ордера.

Позже дом принадлежал представителям знатных родов – Гагариным (Н.П. Римский-Корсаков продал его 12 июня 1825 г. князю Сергею Ивановичу Гагарину, одному из основателей Общества

сельского хозяйства) и Бутурлиным, а в начале XX в. сдавался под гимназию Е.А. Кирпичниковой, отличавшейся весьма либеральными взглядами. По воспоминаниям ее ученика, эта гимназия «была, кажется, единственной тогда в России средней школой, где от первого до последнего класса мальчики и девочки обучались вместе. Правительство косо смотрело на нашу гимназию, ей не раз угрожало закрытие». Е.А. Кирпичникова, дочь известного либерального историка литературы профессора А.И. Кирпичникова, продолжала работать в школе, формально передав ее другой учительнице – П.Н. Поповой. Затем пришлось переменить не только название, но и статус гимназии: она перешла в ведение объединившихся родителей и учителей и получила странно звучащее название – «Гимназия общества гимназии П.Н. Поповой». Здесь учились дети многих известных актеров – Качалова, Москвина, Лужина.

В 1840-х гг. в доме жил известный филолог Ф.И. Буслаев. «Моя комната, – вспоминал он, – была наверху, окнами во двор», там была и последняя московская квартира философа С.Н. Трубецкого, получившего известность своей общественной деятельностью. Молодой профессор – ему было тогда 43 года – был избран ректором Московского университета. Он поехал в Петербург, и во время заседания у министра народного просвещения у него случился удар, и вскоре – 29 сентября 1905 г. – он скончался. Похороны Трубецкого в Москве превратились в грандиозную манифестацию: у дома на Знаменке собралась огромная толпа желающих проводить его в последний путь.

В первые годы советской власти дом заняли квартирами военные – он назывался 3-м (позже 4-м) домом Реввоенсовета.

В небольшом скверике перед домом в 1959 г. поставили памятник М.В. Фрунзе (скульптор З.М. Виленский), активному участнику Гражданской войны, заменившему Троцкого на посту главы военного ведомства. Тогда «лучший поэт советской эпохи» Маяковский разразился стихом:

Заменить ли горелкою Бунзена^[1]
Тысячевольтовый Осрам^[2],
Что после Троцкого Фрунзе нам,
После Троцкого Фрунзе срам.

О нем позднее старались не вспоминать.

После смерти Фрунзе на операционном столе в 1925 г. Знаменку переименовали в улицу Фрунзе; историческое имя было возвращено ей в 1990 г.

По Крестовоздвиженскому переулку расположен флигель усадьбы, обработанный в нижнем этаже рустом и замковыми камнями над оконными проемами. На этом же участке позади главного дома в 1911 г. построен большой жилой доходный дом по проекту С.К. Родионова. В нем в жил философ И.А. Ильин, который здесь был арестован в 1922 г. и затем выслан за границу. В 1920–1930-х гг. здесь жили математик А.Я. Хинчин, один из создателей школы теории вероятности, и В.П. Полонский, критик и журналист, первый редактор журналов «Новый мир» (при нем журнал имел самый большой тираж), «Печать и революция», активно участвовавший в литературной борьбе и выступавший против позиции Маяковского, оправдывавшего все, что делала новая власть.

Флигель усадьбы граничит также с солидным доходным домом (№ 4), который украшен колоннадой, проходящей по третьему и четвертому этажам, – модная тогда манера оформления фасадов. Это работа того же архитектора, но более ранняя – 1899 г.

Воздвиженская церковь

В XV в. ближе к углу переулка и Воздвиженки, недалеко от высокого берега речки Неглинной, около небольшого лесного

островка был основан Крестовоздвиженский монастырь, который так и назывался – «что на Острове». Он дал название и Воздвиженке, и Крестовоздвиженскому переулку. В летописи Воздвиженская церковь упоминается в 1547 г., когда от нее начался один из самых больших пожаров в Москве. «И бысть буря велика, и потече огонь, яко молния, и пожар силен прмче во един час», – эпически повествует летописец. Перед пожаром москвичи были удивлены, увидев известного всей Москве блаженного Василия, «ста перед церковию и плакася неутешно». Недоумевали они только до следующего дня, когда в полдень именно от этой церкви и начался пожар. «Вся Москва представила зрелище, – рассказывал Н.М. Карамзин в „Истории государства Российского“, – огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело: как в горниле, медь текла». После пожара монастырский собор был отстроен в камне, а в XVIII в. началось новое строительство. В 1701 г. по образу и подобию южнорусских деревянных церковных построек начали возводить новый монастырский собор, но постройка была приостановлена из-за запрещения каменного строительства по всей России. В 1711 г. успели выстроить и освятить нижнюю Успенскую церковь, завершен же собор был только в 1728 г. Богато декорированный центральный восьмигранный столп был окружен четырьмя меньшими башенными объемами, увенчанными главками. Монастырь был упразднен после 1812 г., и собор стал обычной приходской церковью. В 1816 г. стал вопрос о строительстве колокольни (старая обветшала, да и выступала далеко за линию улицы). На старом месте церковное начальство строить уже не хотело, ибо не хотели, чтобы она закрыла «единственный по своему фасаду храм», и предложили построить колокольню с западной стороны. Построили ее только в 1849 г.: автор проекта архитектор П.П. Буренин возвел изящную многоярусную колокольню высотой 52 метра. Она являлась важной доминантой окружающего района.

Справа и слева от святых ворот монастыря в 1820 г. построили два дома для семейств причта кремлевского Успенского собора (Воздвиженка, 7). В Крестовоздвиженской церкви были похоронены многие известные государственные деятели – генерал-аншеф и московский губернатор В.Я. Левашев, живший неподалеку и скончавшийся в возрасте 84 лет, канцлер, друг и покровитель Ломоносова М.И. Воронцов, генерал-поручик Ф.В. Наумов, генерал-майор Ф.М. Каменский. В этой церкви 6 июня 1856 г. состоялось бракосочетание М.Е. Салтыкова и Е.А. Болтиной (которая и придумала ему псевдоним Щедрин, приобретший всероссийскую известность). Снесли церковь в 1934 г., устроив на ее месте метростроевскую шахту, а при прокладке подземного перехода в 1979 г. уничтожили сохранявшиеся монастырские ворота и кладбище – останки погребенных сгребли в кучу и выбросили.

Глава III

КИСЛОВСКИЕ СЛОБОДЫ

Между Воздвиженкой и Большой Никитской

«Того же года попущением божиим за грехи наши възъярился царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, учиниша опришнину, разделение земли и градом. И иных бояр и дворян, и детей боярских взяша в опришнину, а иным повеле быть в земских» – так повествует летопись о событиях 1565 г. На опричнину и земщину была разделена и Москва: на «свой обиход», в опричнину, Иван Грозный забрал западную часть города, от впадения ручья Черторый в Москву-реку (от Пречистенской набережной) до левой стороны Большой Никитской улицы. Сам же царь поселился в новом дворце, построенном недалеко от реки Неглинной. Там, за высокой, в 6 метров, каменной стеной, стояли три большие палаты, окруженные деревянными хоромами. Место сырое, и весь двор вокруг них был засыпан белым песком в локоть толщиной. Благодаря этому обстоятельству было довольно точно определено расположение опричного дворца Ивана Грозного – на углу Моховой и Воздвиженки при строительстве метро нашли слой белого речного песка (хотя, по последним исследованиям археологов, «соотнесение обнаруженных при раскопках сооружений с хозяйственными постройками Опричного двора, описанных Г. Штаденом, весьма вероятно, но не может быть пока строго доказано»). Надо еще упомянуть, что примерно на том месте, где сейчас проходит граница между домами № 4 и 6 на Воздвиженке, до 1780-х гг. стояла церковь Дмитрия Солунского, называвшаяся «что на старом государевом дворе».

Возможно, что для опричников Ивана Грозного недалеко от дворца и были поселены калашники, то есть пекари, и кислошники,

приготавливавшие капусту, соленья, квасы. Здесь в XVII в. находились две Кисловские слободы – патриаршая и дворцовая, в последней в конце века насчитывалось 124 двора. Тут была и слобода, управлявшаяся Царицыной мастерской палатой, в которой жили мастерицы-портные, швей-вышивальщицы, постельницы, портномы, комнатные бабки. Действие пьесы А.Н. Островского «Комик XVII столетия», написанной им к 200-летию русского театра, происходит «на Кисловке», в доме «золотной мастерицы Царицыной мастерской палаты». Пьеса писалась драматургом после изучения исторических источников и консультаций с историком И.Е. Забелиным.

На бровке высокого холма над долиной Неглинной стояли крупные боярские усадьбы, среди которых особенно выделялось владение боярина Никиты Романова. Оно занимало почти всю четную сторону **Романова переулка** (с 1920 г. назывался улицей Грановского, а до этого Шереметевским переулком). Возможно, что это владение было частью Опричного двора Ивана Грозного, отданной царем Михаилом Федоровичем своему двоюродному брату. Ворота в обширную усадьбу были с Большой Никитской улицы, а каменные палаты боярина стояли по переулку. После смерти Н.И. Романова двор перешел к царю Алексею Михайловичу, который указал его «ведать в Оружейной палате для пушечных и иных разных дел». Здесь построили палаты, где была сложена «всякая ружейная бронь», тут же пристреливались пищали. На этом дворе находились и две палаты «для всяких великого государя верховых живописных писем». Северная часть усадьбы, выходившая на Большую Никитскую улицу, позднее разделилась на несколько дворов, там же были и старинные палаты, которые в 1764 г. все еще назывались «Романовыми». Тогда в газете «Московские ведомости» сообщалось, что «живущий в Романовых палатах учитель принимает учеников для обучения французскому, немецкому языкам и арифметике».

В конце XVII в. вся местность у перекрестка переулка и Воздвиженки принадлежала боярину Льву Кирилловичу Нарышкину,

брату царицы Натальи, матери Петра I. По разделу усадьба перешла к сыну Ивану Львовичу, а от него к дочери Екатерине, которая в 1746 г. вышла замуж за младшего брата фаворита императрицы Елизаветы Петровны Кирилла Григорьевича Разумовского, ставшего графом и украинским гетманом и получившего громадное состояние.

В усадьбе уже существовал каменный дом (с правой стороны Романова переулка на месте современного участка № 2), который, вероятно, был выстроен около 1730 г. Возможно, что после перехода всей усадьбы к Разумовскому главный дом перестроили. Предполагают, что при переделке основного дома был заимствован проект французского архитектора Шарля де Вальи, по которому строился дворец в Кускове, а вот мнение о принадлежности проекта В.И. Баженову не подтверждено.

От К.Г. Разумовского дом перешел к его сыну Алексею, но он не хотел оставить его себе, задумав переселиться в большую, почти загородную, усадьбу около Яузы, где он строил себе роскошный дворец (Гороховская улица, 18). Дом был продан с частью мебели и иной обстановки за 400 тысяч рублей. Купил его (и участок через переулок – Воздвиженка, 8/1) граф Николай Петрович Шереметев: купчая была заключена 30 июля 1800 г.

ДОМЪ ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА

на Воздвиженке

Дом Шереметева на Воздвиженке. 1832 г.

С 1863 г. в шереметевском доме находится Московская городская дума, и он значительно переделывается внутри. С переходом думы в собственное здание здесь в 1892 г. поместился Охотничий клуб. В нем каждую неделю давались спектакли Общества искусства и литературы. В сентябре 1898 г. в клубе познакомились А.П. Чехов и О.Л. Книппер. «...Знаменательный и на всю жизнь не забытый день, – вспоминала Ольга Леонардовна. – Никогда не забуду ни той трепетной взволнованности, которая овладела мною еще накануне, когда я прочла записку Владимира Ивановича (Немировича-Данченко. – *Авт.*) о том, что завтра, 9 сентября, А.П. Чехов будет у нас на репетиции „Чайки“, ни того необычайного состояния, в котором шла я в тот день в Охотничий клуб на Воздвиженке. И с той встречи начал медленно затягиваться тонкий и сложный узел моей жизни».

В этом же помещении проводились и репетиции Художественного театра в то время, когда отделялось его здание в Камергерском

переулке.

Перед 1917 г. в этом доме помещался Московский шахматный кружок, членом которого был знаменитый русский шахматист А.А. Алехин. В большом зале Охотничьего клуба в начале 1914 г. выступал с сеансами кубинский шахматист, будущий чемпион мира Х.Р. Капабланка.

После переворота 1917 г. в здании находилась военная академия и музей Рабоче-крестьянской Красной армии и флота. В 1930 г. сломали флигели усадьбы и по улице вместо них и парадного двора выстроили уродливое здание для расширявшейся больницы. Со стороны переулка вход в старое здание находился в торце, и можно было наблюдать вереницы черных «Волг», куда обслуга несла пакеты с дешевой провизией для своих хозяев и себя.

Граф Николай Петрович Шереметев

За великолепным дворцом Разумовского – Шереметева видна глава церкви Знамения, одного из самых ярких образцов так называемого московского, или нарышкинского, барокко, для которого характерны центрическое построение здания («иже под колоколы»), широкое использование деталей ордерной архитектуры и особые декоративные приемы – сочетание белого камня и красного кирпича, наличники с полуколонками и резными наверхиями, резные гребни фронтонов. В этой церкви особенно хороши ее большие ажурные кресты. К главному Знаменскому храму с обеих сторон на сводчатом подклете примыкают небольшие приделы с главками, освященные во имя св. Сергия Радонежского и св. Варлаама Хутынского.

Знаменская церковь была выстроена Львом Кирилловичем Нарышкиным в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в., и после постройки дворца Разумовским она была соединена с ним переходом – стала домовою.

Церковь закрыли в первой половине 1920-х гг. и тогда сломали часть трапезной и паперть. В ней долгие годы находилась больничная столовая и кухня. Это великолепное произведение русской архитектуры за последнее время тщательно отреставрировано, и в ней совершаются службы.

В доме № 2 (строение 1), построенном архитектором В.В. Белокрыльцевым в 1880–1895 гг., нанимал квартиру композитор А.С. Аренский. Здесь жили профессора Московского университета зоолог М.А. Мензбир, геологи М.В. и А.П. Павловы, биолог К.А. Тимирязев. В дворовом корпусе, напротив апсид Знаменской церкви, – мемориальный музей К.А. Тимирязева, где сохраняются подлинная обстановка, рукописи и обширная библиотека. На письменном столе – папка с рукописью книги «Солнце, жизнь и хлорофилл» – строки предисловия к ней Тимирязев дописывал в последние дни жизни.

Климент Аркадьевич Тимирязев – один из самых известных ученых России, исследовавший проблему фотосинтеза растений. В

возрасте 34 лет он стал профессором Московского университета, преподавал в Петровской сельскохозяйственной академии, на женских курсах. Тимирязев приветствовал взятие власти большевиками, преподнес Ленину книгу «Наука и демократия», выражая «счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности», имея в виду, вероятно, разгон Учредительного собрания, закрытия оппозиционных газет, высылку ученых из страны, убийства, казни и террор. В ответ на посвящение Ленин одобрительно заметил: «Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть».

Церковь Знамения на Знаменке

Тимирязев чрезвычайно резко отзывался о теории наследственности Менделя, лежащей в основе современной генетики, чем, конечно, воспользовался гонитель научной биологии проходимец Лысенко, широко цитировавший Тимирязева. Сыну его, физику А.К. Тимирязеву, видно, не давали покоя лавры Лысенко: он «прославился» отрицанием теории относительности и квантовой механики и организацией (правда, безуспешной) процесса против ученых-физиков.

В доме рядом (№ 4, 1900 г., архитектор К.М. Быковский) было также много квартир университетских профессоров – здесь жили географ А.А. Борзов, биохимик В.С. Гулевич, физик Г.С. Ландсберг, литературовед Н.К. Гудзий, физиолог М.Н. Шатерников, зоолог С.И. Огнев и др.

Бывшие университетские жилые дома теперь перестроены, в университетском дворе построены офисные здания – все это ныне так называемый бизнес-центр «Романов двор». Это работа (1996–2004) мастерской «Попов и архитекторы». Архитекторы М. Леонов, О. Попов и др. поставили новые строения вплотную к зданиям на красной линии переулка и до невозможности затеснили двор. Там обращает на себя внимание стеклянная пирамида, напоминающая пирамиду во дворе Лувра, – здесь же она покрывает бассейн. В «бизнес-центре» находится и кинотеатр, один из самых дорогих в Москве. Эта же мастерская испортила и один из самых ценных памятников архитектуры и истории – «Ректорский дом» Московского университета, и она же очень изобретательно и выигрышно перестроила фабричные здания на Садовнической улице.

Дом с угловой полуротондой на углу переулка и Большой Никитской был выстроен, вероятно, в самом начале XIX в. (на плане участка 1802 г., хранящемся в Московском историческом архиве, написано: «каменное жилое в 2 этажа на погребах строение, состоящее в отстройке») купцами 1-й гильдии Иосифом и Антоном Якоби, в который, возможно, были включены и части более старых

зданий. В 1850 г. дом переделывался в доходный, и тогда была уничтожена живописная угловая колоннада с балконом над ней. Дом принадлежал архитектору Московского дворцового ведомства Ф.Ф. Рихтеру, восстанавливавшему и достраивавшему дом Романовых на Варварке. С ним был знаком Н.В. Гоголь, бывавший в этом доме.

На левой стороне переулка также располагались шереметевские владения. Угловой участок № 1/8 занят одним из самых изящных зданий русского классицизма с характерной угловой ротондой. Возможно, что он строился А.К. Разумовским для жены (сестры Н.П. Шереметева) по образцу углового дома на Покровке (№ 2/15). По купчей, заключенной 30 июля 1800 г. (обычно пишут о 1799 г.), он перешел к Шереметеву. Здесь он поселился после бракосочетания с актрисой его крепостного театра Прасковьей Жемчуговой.

Н.И. Аргунов. Графиня Прасковья Ивановна Шереметева-Жемчугова. 1803 г.

В доме жили многие Шереметевы и служившие у них. В этом доме каждая комната «имеет свои воспоминания о членах семьи, уже отошедших; ими доныне все полно в этом доме. Предания в нем живы еще гораздо далее того, что мы помним, и захватывают былое шести поколений. Каждая комната носит свой отпечаток, каждая переносит в незабвенный мир семейного прошлого», – вспоминал Сергей Дмитриевич Шереметев, внук первых владельцев.

После Октябрьского переворота всех повыгоняли, некоторых и расстреляли, а в доме ютились в продолжение многих лет жильцы в коммунальных квартирах.

Сразу за угловым по Воздвиженке домом 1790-х гг. находится большой жилой комплекс из нескольких зданий (№ 3, 1895–1898 гг., архитектор А.Ф. Мейснер), где в 1900-х гг. жил химик-органик С.С. Наметкин. После переворота октября 1917 г. в доме находилась конспиративная квартира английского разведчика Сиднея Рейли. В 1920-х гг. весь жилой комплекс получил название 5-й Дом Советов; в нем жили многие партийные и государственные деятели: К.Е. Ворошилов, М.В. Фрунзе, А.С. Щербаков, Е.М. Ярославский, В.А. Малышев, П.Г. Смидович, С.В. Косиор, С.М. Буденный, И.С. Конев, А.Н. Косыгин, Л.М. Каганович и многие другие. Чуть ли не все высшие чиновники партии и государства перебивали в этом доме – они то переселялись в Кремль, поближе к Сталину, то опять вселялись сюда, попадая в немилость. Иногда в результате таких колебаний они навсегда исчезали, переселяясь в лучшем случае в «места не столь отдаленные», а в худшем – и на тот свет.

В этом доме не все квартиры были комфортабельными. Вот какую запись оставил в дневнике драматург А.Н. Афиногенов, побывавший у академика О.Ю. Шмидта в 1937 г.: «На улице Грановского, в доме номер 3, живет Шмидт. В его квартире еще две семьи, у него все три комнаты, в тесной передней запах обеда из кухни, кабинет плотно уставлен мебелью и книгами. Жена – Вера Федоровна. Большие, грустные глаза. Базедова болезнь.

– Почему мы живем здесь? Отто Юльевич привык. Близко от столовой (СНК) и больницы, близко от Кремля и работы...»

В 1927 г. в доме жил Лев Троцкий, выселенный Сталиным из Кремля. Троцкий рассказывает: «В то время я уже переехал из Кремля на квартиру моего друга Белобородова, который формально был еще наркомом внутренних дел, хотя агенты ГПУ следили за ним всюду, куда бы он ни шел. Тогда Белобородов был на его родном Урале, где он старался встречаться с рабочими в борьбе против бюрократического аппарата [Сталина]». Из этого дома Л.Д. Троцкого 17 января 1928 г. выслали в Алма-Ату. Он отказался выходить из квартиры (№ 62а), и агенты ГПУ вынесли его на руках насильно. Сын

Троцкого кричал на лестничных площадках: «Арестовывают Троцкого», а испуганные жители, бывшие бесстрашные борцы с царизмом, выглядывали в полуоткрытые двери, не пытаясь вмешаться. Агенты втолкнули Троцкого в автомобиль и отвезли на Ярославский вокзал.

Доходный жилой дом (№ 5) был построен в 1913 г. по проекту архитектора Н.Н. Чернецова.

В Романов переулок выходит боковой корпус, построенный в усадьбе, главный дом которой смотрит на Большую Никитскую (№ 5). Он представляет собой один из прекрасных образцов классической архитектуры Москвы, включенный М.Ф. Казаковым в альбом лучших «партикулярных» (то есть частных. – *Авт.*) зданий города. Несколько перестроенный после пожара, он интересен замечательными барельефами на античные темы, помещенными между пилястрами портика. Внутри сохранилась отделка парадного зала и домовая церковь в мезонине, освященной в 1765 г. во имя преподобного Мемнона и девяти Кизических мучеников.

Большой Кисловский переулок в сторону Большой Никитской улицы. 1913 г.

Возможно, что этот дом включил в себя и части древних палат боярина Богдана Матвеевича Хитрово, стоявших в XVII в. как раз на этом месте. В XVIII в. участок принадлежал обер-президенту магистрата С.С. Зиновьеву, потом – стольнику С.Т. Клокачеву, с 1761 г. – князю А.С. Голицыну и в 1765 г. – младшему из знаменитых братьев Орловых, возведших Екатерину на престол в 1762 г., Владимиру Григорьевичу.

Он не принимал такого деятельного участия в перевороте, как его братья. Впоследствии его отправили за границу учиться в Лейпцигском университете, а после возвращения назначили директором Академии наук.

В.Г. Орлов содействовал ученым экспедициям, помогал отправке студентов в заграничные университеты. Он 32 лет вышел в отставку

и в основном жил в своем подмосковном имении Отрада, украшая и устраивая его. По мнению его соседа Д.Н. Свербеева, Орлов выгодно отличался от всех других помещиков «...богатством, несравненно высоким перед всеми образованием и достойным глубокого уважения своим характером».

С детьми Орловых занимался бывший у них домашним учителем В.К. Кюхельбекер, в доме жил крепостной Орлова композитор А.Л. Гурилев.

Потом дом перешел к дочери Орлова Софье Владимировне Паниной, после нее и до коммунистического переворота 1917 г. им владели князья Мещерские.

В советское время в доме находился землеустроительный техникум, а с 1934 г. он принадлежит Московскому университету, разместившему в нем исторический факультет, где работали выдающиеся историки и археологи А.В. Арциховский, Д.А. Авдусин, Б.Д. Греков, В.И. Пичета, Е.А. Косминский, Н.А. Машкин и др.

Параллельно Романову проходит **Большой Кисловский переулок**, самый большой из четырех одноименных переулков бывшей Кисловской слободы.

На месте скверика на левом углу переулка до 1991 г. стоял памятник М.И. Калинину, декоративному главе Советского государства, немало пережившему за годы своего «президентства», – его жена была арестована Сталиным и заключена в лагерь, а он продолжал улыбаться с портретов.

За сквериком стоит здание (№ 1/12), которое было показано на многих планах XVIII в. Оно долгие годы принадлежало Матюшкиным, с 1776 г. – инженер-генерал-майору И.И. Раевскому, с середины XIX в. – Устиновым, а в конце XIX – начале XX в. – Азанчевским. Дом перед переворотом 1917 г. нанимала частная гимназия Н.П. Щепотьевой.

Об этом доме вспоминал композитор С.Н. Василенко, живший в нем в детстве. Его отец в 1870-х гг. был управляющим имениями Азанчевского и занимал квартиру на первом этаже: «Отлично помню

обширную залу, длинную белую гостиную с окнами в сад и отцовский кабинет. Перед нашей квартирой был порядочный палисадник – густая полоса акаций вдоль решетки, совершенно закрывавшая улицу, разросшиеся группы сирени, жасмина и других кустов, молодые тополи и клены, цветочные клумбы».

В доме Азанчевского жила С.Н. Львова, с которой был близок С.А. Соболевский, известный библиофил, друг Пушкина. По словам современника, «...он до смешного ухаживал за Львовой, бродил под ее окнами, нанимал ложу против той ложи, которую она взяла, чтоб только смотреть на нее». Соболевский собирался жениться на ней и поехать вместе за границу, но внезапно умер. Он завещал все Львовой, и она, уехав за границу, продала, не пожалев, его замечательную библиотеку и архив. Книги разошлись по разным покупателям, но бумаги, к счастью, приобрел граф С.Д. Шереметев.

В здании, выстроенном в 1871 г. на этом же участке, выходящем и на Нижний Кисловский переулок, в 1881–1882 гг. жил Д.Н. Мамин-Сибиряк. Здесь он работал над первым из романов, посвященных жизни горнозаводского Урала. На первом листе рукописи романа «Приваловские миллионы» Мамин-Сибиряк написал: «Москва, Большая Кисловка, меблированные комнаты Азанчевского», они тогда находились как раз в этом доме. Здесь же располагалось и Общество распространения технических знаний, устраивавшее публичные лекции и издававшее книги и брошюры. В этом доме жили общественный деятель, славянофил К.С. Аксаков, литературовед Н.И. Стороженко, останавливался в приезды в Москву математик А.М. Ляпунов, в 1852 г. жил поэт Н.Ф. Щербина, приехавший в Москву из Одессы уже известным автором изящных «Греческих стихотворений». Он стал работать помощником редактора «Московских губернских ведомостей». «Я очень доволен, – писал он, – что наконец-таки добился до исполненья своего желанья вступить в казенную службу, которая одна только дает человеку постоянное и верное обезпечеше в жизни; а частныя занятия так непостоянны и непрочны. Это я испытал на себе.

Постараюсь же строго и законно исполнять свои служебные обязанности, и благо мне будет». Он прожил в Москве до 1854 г., уехал в Петербург, часто печатался (стихотворение «После битвы» превратилось в романс Гурилева и потом в очень популярную песню «Раскинулось море широко») и был известен своими острыми эпиграммами на сервильных литераторов, которых он звал «литературщиками», да и до наших пор злободневными сатирами на правителей России:

Одно мы пред судом народов
Собой способны доказать,
Что может шайка идиотов
Народом умным управлять.

Дом перед переворотом 1917 г. занимала частная гимназия Н.П. Щепотьевой, о которой писал ее преподаватель, известный историк С.П. Мельгунов: «Эта гимназия представляла собой как бы до некоторой степени семью, членами которой являлся и педагогический и учащийся персонал. Работать здесь в силу этого вдвойне было приятно. да и состав учениц был повышенно интеллигентный».

В первые годы советского правления в 1920-х гг. здесь находилась гостиница «Октябрьская».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКИ СУДЕБЫ

СЕРГЕЙ РОМАНЮК

ПЕРЕУЛКИ
СТАРОЙ
МОСКВЫ

*история
памятники
архитектуры
маршруты*

Примечания

1

Горелка Бунзена – устройство для нагревания, дающее очень слабый свет.

[Вернуться](#)

2

«Осрам» – одна из крупнейших в мире фирм – производителей осветительных ламп; название от металлов осмия и вольфрама, применяющихся для нитей накаливания.

[Вернуться](#)